

ПЕТР ИНГВИН

ЗИМОПИСЬ

Книга 4

Как я был номеном

18+

Зимопись

Петр Ингвин

**Зимопись. Книга четвертая.
Как я был номеном**

«Автор»

2016

Ингвин П.

Зимопись. Книга четвертая. Как я был номеном / П. Ингвин — «Автор», 2016 — (Зимопись)

Фантастическая сага о любви и долге в девяти книгах, с провокациями на темы семьи и политики. «Пятая заповедь гласит: не убий, если это не враг, посягнувший на твою жизнь, семью и родину. Семью! – Его рука нетерпеливо поигрывала мечом около Тома. – Меня простят». Дизайнер обложки Галина Николаиди.

© Ингвин П., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть 1. Уже не одни	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Часть 2. Пес, муж, кузнец	39
Глава 1	39
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Петр Ингвин

Зимопись. Книга четвертая.

Как я был номеном

Часть 1. Уже не одни

Глава 1

Земля превратилась в грязь. Каждый шаг давался с усилием, я опирался на дубинку, как на трость. Времени прошло всего ничего, а мы уже валились без сил.

– Я могу сделать еще веревочки... – устало вымолвила Марианна.

– Долго. И руки будут болеть.

Неизвестно, что нас ждет через минуту. Изготовление веникообразной псевдоодежды отнимет драгоценное время. Конструкции, которыми нас вчера украсила Марианна, сильно мешали и разваливались на ходу, повторять ошибку не было смысла.

На мою пращу царевна больше не покушалась. Хорошо иметь в напарницах воительницу, которая понимала, что последнее оставшееся у нас оружие однажды может оказаться последним шансом.

– Тогда ты иди впереди и не оглядывайся. – Марианну в очередной раз бросило в другую крайность.

– Смотреть во все стороны – моя обязанность, совсем не оглядываться я не смогу, так что твой вариант хорош, но не идеален.

– А кто из нас идеален? – Напарница по приключению тихо вздохнула. – Ладно, оглядывайся. Но только по делу.

О том, что я сам всю дорогу буду маячить у нее перед носом, сия ума палата скромно умолчала.

Утро началось с объятий. Я не виноват, само получилось, глаза открылись – а оно вон как, оказывается. Еще год назад я с ума бы сошел от привалившего счастья, а сейчас нервничал. Поумнел? Скорее, повзрослел. Когда чего-то долго добиваешься – ценишь. Что дается само – можешь взять, если нужно. Сперва подумав, конечно. Но то, что навязывается...

Нет, Марианна не навязывалась, она таким способом завоевывала меня. По-другому не умела. Для себя я вывел формулу своих с ней взаимоотношений: не идти на поводу, отвергать неприемлемое и не тратить нервы на прочее. Сразу стало легче.

Когда мы проснулись, пришлось убеждать соседку, что она уже не спит, затем – что не все так здорово, как видится на первый взгляд. И, наконец, что ночь ничуть не изменила моих позиций. Уединенность и невероятная интимность момента подталкивали Марианну к налаживанию более тесных контактов, ей хотелось тепла и счастья. Мне тоже, и еще как. Но на месте случайной спутницы представлялся совсем другой человек.

Желания душ оказались не взаимными, что воспринялось как обида. Глупая, ребячливая... короче, обычная женская обида на то, что не все в мире происходит по ее хотению. Я показал силу воли, отказавшись от желанного ради высшего. Марианна в ответ тоже мне показала – исключительно в переносном смысле. При спуске с дерева, где ночевали, она чуть не убилась, еще и отбрыкивалась от помощи, ведь я при этом буду: «а» – смотреть, «б» – трогать. То, что благодаря упомянутым «а» и «б» ее драгоценная шкурка спустится без увечий, в расчет

не бралось. Итог: содранная кожа на запястьях, груди и животе, которыми тормозили о кору, и все равно приземление на мои руки – вопреки воплям отойти и не мешать. И никакого спасибо.

И ладно. В следующий раз могу и послушаться.

Не могу. Я мужчина. Она – моя подопечная, за которую несу ответственность. Пусть вопит, сколько влезет, а поступать я буду по-своему.

В путь мы отправились голодными, только водички хлебнули при умывании. Трава и листья опротивели, а чтобы добыть и приготовить что-то более серьезное, не было времени. С отсутствием одежды мы тоже свыклись. Сначала царевна еще что-то придумывала, пыталась сплести подобие венка на пояс. На талии «венки» держался отлично, но при навешивании свисающих элементов, в которых заключался весь смысл, конструкция рушилась. Марианна переделала плетеный пояс, повязав его ниже, на бедра. После нескольких движений ногами все порвалось. Спутницу неудачи бесили, но упорства ей не занимать. Некоторое время она несла перед собой наломанную с кустов охапку, скрывавшую фасад сверху донизу, и все бы хорошо, но вскоре руки устали. Тогда Марианне понадобилась раздваивавшаяся листовая ветвь, ради которой требовалось влезть на дерево. Я решил посмотреть, что получится, и выполнил просьбу. Повесив разлапистые половинки через плечо, Марианна превратилась в ходячий шалашик. Вроде бы все стало прекрасно, и меня тоже можно было бы одеть похожим образом... Я не торопился. И правильно. Через десять минут плечо царевны натерлось о жесткое раздвоение, и ни в чем не повинные ветки полетели в кусты. Смирившись, Марианна предложила мне описанный выше вариант, в котором я буду идти впереди, а она сзади. Вот и ладушки, главное слово в ее предложении – идти. А вскоре придется плыть. В воде одежда вновь станет лишней, чего же сейчас заморачиваться? Правда, Марианна, в отличие от некоторых, в стае не жила, потому к проблеме относилась не столь философски.

Я указал на середину ближайшего дерева:

– Смола.

– Ее едят?

Вспыхнувшая надежда споткнулась об уныло опустившиеся углы моих губ.

– Зато она густая и липкая. Приклей большие листья на те места, которых стыдишься, и проблема на долгое время исчезнет.

– Я себя не стыжусь! – Взгляд Марианны сжег меня с потрохами, царственная осанка еще больше выпрямилась, став императорской, не меньше. – Я... стыжусь тебя, а себя мне стесняться нечего, у меня все в порядке.

– Ну, приклей на места, которыми гордишься.

В меня полетела колючая ветка. Я увернулся.

Через минуту сзади раздалось:

– А смола быстро смывается?

– Вопрос некорректен. Я не знаю, смывается ли она вообще.

Ниже спины ударила еще одна ветка.

– Ты хотел, чтобы я стала липкая и грязная, да?!

– Расскажу притчу. Шли два... – Гм, срочный вопрос: кем заменить монахов и девушку, чтоб не попасть впросак? Ладно, по ходу выкручусь. – Два святых человека. Они увидели, как через лужу не может перейти симпатичный человек другого пола. Симпатичный, прямо до... бабочек в животе. И так он пробовал, и этак, и юбку задирает по самое не балуй. Один святой принялся молиться об укреплении духа: «Отдаю мечты и поступки Алле-воспитательнице, да простит Она и примет. Убираю пороки из жизни и мыслей. Берегу честь и репутацию, ведь потом они сэберегут меня...» А второй взял симпатягу на руки и перенес на другую сторону лужи. Затем он вернулся к молившемуся и молча зашагал рядом. Все было вроде бы нормально, но через полчаса от того, который молился, раздалось гневно: «Ты пошел на поводу у греха! Ты не должен был касаться этой... искушающей особы, ты допустил порочные мысли!» На

что последовал ответ: «Во-первых, я исполнил закон "Помогать окружающим, ведь потом они помогут мне". Во вторых я перенес и забыл, а ты все еще несешь».

Марианна задумалась.

– Я жаловалась, что ты хотел сделать меня липкой и грязной, а в ответ услышала притчу. Ты хочешь сказать, что я уже... липкая и грязная, только в переносном смысле?

Ну ни фиги себе, гигант мысли. Я, конечно, имел в виду что-то такое, но не столь откровенно. Пришлось успокаивать.

– Я тоже руководствовался законом «Помогать окружающим, ведь потом они помогут мне». Тебе требовался заменитель одежды, я предложил решение. О том, что одно повлечет другое, как-то не думалось. Виноват, исправлюсь. В качестве моральной компенсации вот тебе вкусный корешок.

Некоторое время мы шли молча. По другой стороне реки виднелось далекое непонятное движение. Возможно, там искали нас. Мы, конечно, можем подать сигнал: мол, живы, не переживайте. Днем можно сигналить дымом или выложенными огромными буквами, в ночи – костром. Варианты есть, смысла нет. Допустим, сигнал дойдет, и что? Нам чем-то помогут? Только переживать начнут. И уже будет, от чего: на этой стороне реки тоже найдется, кому за чужими сигналами смотреть. Лишнее к себе внимание – лишние проблемы.

Проблем и здесь хватало. Выброс лишней жидкости обрел статус военной кампании. О ней долго умалчивали, затем, краснея, сквозь зубы извещали союзника. Начиналась рекогносцировка местности, составление планов, обеспечивались разведка и безопасность. Со стороны царевны также звучало глупое требование неслышимости, то есть я должен находиться от места ее засады на достаточном расстоянии. Как в таком случае отвечать за ее жизнь? Благословенны времена стаи: что естественно – то не безобразно. Например, Тома в любви к естественности ушла даже дальше меня. С Марианной – увы, не проходило. После вчерашнего переохлаждения отбегать по надобности приходилось часто. Не знаю, как связь двух фактов объясняла медицина, но во враждебных условиях результат доставлял жуткое неудобство.

– Дальше! – требовательно принеслось из кустов, где сейчас пряталась напарница.

– Я достаточно далеко.

Пристально изучаемая глазами местность неурядицами пока не грозила. Нам везло, до сих пор мы ни на кого не напоролись. Как долго продлится везение?

– Я специально сказала негромко. Услышал – значит, близко.

– Уйти дальше – небезопасно, я потеряю тебя из виду.

– Из виду?! – донесся возмущенный вопль.

С такой, как говорится, каши не сваришь. Нужно что-то делать, и, вообще, с любой проблемой нужно справляться раньше, чем она справится с нами.

Через минуту красная от негодования царевна оказалась рядом.

– Ты не имеешь права смотре...

– Пригнись! – Я резко упал на землю.

Марианна повторила за мной с удивлением, но без возражений. Только спустя минуту она увидела ватагу ребятишек, которых у меня получилось услышать раньше.

С шумом и перекликиванием к реке неслись больше десятка юных сорвиголов. У меня рука сама собой потянулась перекреститься, хотя я никогда в жизни этого не делал. Станный позыв случился от облегчения: пацанята были нормальные. Не Фристовы разрисованные молчуны, не затурканные крепостные, от каждого столба ожидавшие неприятностей или волков. Эти ничего не боялись. С визгом и оглушающим гиканьем они мчались босыми ногами к воде, по дороге скидывая через голову длинные, доходившие до колен рубахи. Собственно, рубахи-балахоны составляли всю их одежду.

Меня заметили. Угрозило же приподнять макушку.

– Эй! Давай с нами! – раздалось в мою сторону.

А вот и дам. Где наша не пропадала и потом не находилась? Шепнув распластанной ничком царевне «Лежи тихо, голову не высывай», я помчался к взбурлившим прибрежную воду ребятам. Старшему было на пару лет меньше, чем мне. Младшему – не больше семи.

– Ты откуда? Как зовут? Тихаревский или Еконоградский? Не представляешь, как домой хочется! Не слыхал, случайно, когда? Тоже с орехов или по глядельной части? Как думаешь, долго нам еще тут? Сможешь меня подкинуть? Плаваешь хорошо? – завалили меня вопросами.

– Артем, – с достоинством лидера представился один из старших мальчиков. Видимо, местный заводила. – А тебя как кличут?

– Вася. Плаваю хорошо. Насчет дома ничего такого не слыхал. Я оттуда. – Я небрежно качнул головой в сторону изгиба реки с отмелью, откуда мы с царевной пришли. Короче, не соврал ни разу, с чем себя и поздравил. – Давай, подкину.

Подставив ладони, я помог мелкому пацаненку взобраться ногой и мощно запустил его в воздух.

– А-а! – радостно проорал тот, завершив дугу могучим всплеском.

Теперь вместо вопросов на меня посыпались предложения о сотрудничестве и взаимопомощи.

Вода в реке ничуть не изменилась, она как была, так и осталась ледяной, но мальчишек холод не смущал. Они то ли привыкли, то ли их нечасто отпускали к воде. Приходилось терпеть и мне, хотя ног уже не чувствовалось.

Удивило, что плавать умели все. И все плавали плохо. Периодически кого-то сносило течением, он вопил, я спешил на выручку, подхватывал и вытаскивал на отмель. И во все уши слушал.

– Повезло, что дождь прошел. Пока высохнет – свободны. А оно когда еще высохнет!

– Не волнуйся, скоро.

– А по мне, так пусть там все сгниет. Вот если б каждому по телеге...

– Говорят, на вырученные деньги новый оклад купят, золотой.

– А оно мне надо?

– А тебя спросят?

«Деньги», «купят», «золотой» – вот это информация! Новый мир преподносил сюрпризы.

Стоило одному мальцу с визгом сигануть с моих рук или плеч, как на меня взбирался следующий. Разговорчики не прерывались:

– Скоро суeta в Еконограде. Много иностранцев будет. Говорят, даже немцы приедут.

– Жаль, не увидим.

– Еще говорят, конязь раньше обычного девок собирать будет.

– Не-е, не раньше лета.

– Говорят, теперь бой-бабу хочет.

– Это как?

– Чтоб и на коне, и мечом, и при том – баба.

– Как за речкой, что ль?

– Ну. Насмотрелся с берега.

– А наши-то губы раскатали, дуры набитые.

С улюлюканьем и переворотом в воздухе очередной сорванец улетел с моих подставленных рук в свое детское счастье, а следующий, обернувшись, разразился вопросом:

– Вась, ты гляделец?

– Кхм. А что, похож?

– На орехах тебя не видели.

Кем мог быть гляделец? Метеорологом? Надсмотрщиком? Часовым? Пограничником?

– Не-е, я там, дальше. – Я неопределенно махнул рукой куда-то назад. Заметив, что старших ребят поблизости нет, я тихо спросил: – Глядельцы за реку отвечают, чтобы чужие не высадились?

– Да нет же, они присматривают, когда гости прибывают, чтобы те не сбежали, пока не заплатят.

– А если враги?

– Ушкурники, что ль? – По ступеньке рук взбираясь мне на плечи, мальчонка по-взрослому высокомерно скривил рот. – Если нарушат договор, с ними конязь разберется.

– Лучше бы он со спасизадами разобрался, – недовольно фыркнул сбоку другой. – Отец говорит, скоро на улицу страшно выйти будет.

Возясь с мелкими, я не заметил, что старшие куда-то делись, и обернулся только на крики. Шесть мальчишек во всю мочь неслись прямо на залегшую в траве царевну. Значит, не выдержала, высунулась. На приближавшийся топот она среагировала правильно – ринулась прочь.

– А-а-а!!!

– А ну стоять! – взвопил я, выметываясь из воды принудительно утопленным теннисным шариком.

– Вась, они сами справятся! – пыталась повиснуть на мне малышня, ошарашенная дружкой со старшим и теперь возмущенная уходом.

Глава 2

Как же я, оказывается, далеко ушел от оставленной Марианны. Расстояние между ней и преследователями измерялось десятками метров, а между ними и со всех ног бегущим мной – сотнями.

Не знаю, как юной царевне следовалось за моим не являвшим образец красоты загорелым тылом, а за ее улепетывавшей кормой мальчишки летели, как ухватившие цель самонаводящиеся ракеты на сопло самолета. В беге девчонке никогда не сравниться с мальчишками, будь она хоть сто раз царевна и тысячу раз принцесса, так природа позаботилась о выживании вида: мужчина обязан догнать женщину. Марианну гурьбой повалили, один пацаненок помчался к ближайшему дереву.

Когда я подбегал, три мальчишки уже стегали хворостинами визжавшую Марианну, пока другие трое ее удерживали.

– Так ее! Чтобы до свадьбы сесть не смогла!

– И по сусалам ее, вон какие щеки отъела. Гляди, вся гладенькая, беленькая, нежненькая, будто за всю жизнь ни разу не работала.

– Тем более заслужила! Врежь хорошенько!

– Ух, какие мы недотроги!

– Артем, влепи сюда, пока держу!

– Сейчас всем влеплю! – заорал я. – А ну отпустили! Слыхали, что сказал?!

Хворостины нехотя опустились, но руки, крепко державшие царевну, не разжимались.

– Она подглядывала!

Покачиваясь на подламываемых ногах, исполосованная Марианна с жуткой мольбой глядела на меня. Теперь она боялась рот раскрыть. Правильно. Старших слушаться надо.

– Это моя... сестра! – объявил я. – Убрали руки!

Теперь приказ сработал, мальчишки отшатнулись от девушки, как от прокаженной. Она упала в траву и прикрылась.

Не слишком чувствуя себя виноватым, Артем развел руками:

– Кто ж знал...

– А чего она приперлась? – подхватили другие. – Девки там дальше купаются, а мы ей не родичи, чтобы тут за нее отвечать. Ведь она взаправду подглядывала, мы видели. Значит, заслужила.

– Пойдем, Марьяна. – Приобняв царевну за талию, я помог ей подняться. Имя я употребил в обиходном варианте, чтобы не вызвать лишних вопросов.

Оставив мальчишек в задумчивой растерянности, мы двинулись дальше вглубь леса.

– Почему не вдоль реки? – прихрамывая, спросила Марианна.

– Без одежды на виду у всех? Мальчишки в ситуации еще не разобрались, но мозги у них тоже есть. Нужно уйти как можно дальше. Эх, жаль, дубина там осталась, хорошее было оружие, легкое и не приметное. Теперь пока найдешь что-то похожее...

– Кстати... спасибо.

Я отмахнулся:

– Проехали. В следующий раз умнее будешь.

– Урок хороший, – признала Марианна, пытаясь оглянуться на свой исчерченный полосами зад. – Незабываемый. Очень страшно?

Она спрашивала мое мнение о внешнем виде этого своего участка тела. Ну что за народ девчонки. Предплечья, плечи, голени – все в синяках от жесткой хватки многих рук и борьбы, спина кровоточит, щека саднит, бедра в ярких рубцах... а царевна думает о мягком месте.

– Вполне симпатично. Я и раньше ничего не имел против, а теперь... За одного битого двух небитых дают, слыхала?

– А за дважды битого?

Я хмыкнул:

– Первый раз не считается, сделанное во благо – это не побои.

– А что же тогда?

– Воспитание.

Совершив через лес большой круг, мы больше никого не встретили. После получасового перехода я дождался очередного «Чапа, погуляй в сторонке, пожалуйста» и заявил:

– Больше никаких сторонок. Вот хорошее место, скрыто отовсюду.

Низинка, густой кустик, развесистое дерево. Что еще нужно для счастья?

Марианну заклинило и даже чуточку перекосило от напряжения.

– Если думаешь, что...

– Не думаю. Знаю. Садись здесь.

Мою решимость подтвердили действия. Я развернулся спиной к остолбеневшей царевне и, показывая пример, пустил струйку в основание деревца.

Черти бы взяли дрянную девчонку. Бросившись, как всегда, из крайность в крайность, она внимательно отследила процесс вплоть до завершающего встряхивания. Я уперся в нее бычьим взором, хотелось наорать, съязвить, уколоть или ругнуться. Успокоить себя удалось с огромным трудом.

– Ничего позорного нет, правда? – Мой голос была сама безмятежность. Как морская гладь над подводным землетрясением.

– Правда. Позорного нет.

Взгляд Марианны потупился, розовые ушки, выглядывавшие сквозь волосы, еще больше порозовели. Я даже залюбовался, несмотря на дикость ситуации: бурлящее эмоциями лицо, крепкие тонкие плечи, узкая талия с волнительной дырочкой пупочка, скрывавшая грудь путаная русая завеса... Это пока царевна не откинула челку. Но она не откидывала. Она пряталась за ней от меня и от себя.

Повезло мне с попутчицей... в смысле внешности. Если б только не заморочки с выяснением отношений.

– Теперь не стесняешься?

После того, что произошло, ответ подразумевался единственный, даже если по-настоящему дела обстояли не так. Наше положение обязывало царевну ответить положительно, ничего другого быть не могло. Но я недостаточно знал Марианну.

– Стесняюсь.

Теперь я был готов взорваться. В глубинах подсознания проснулся вулкан, в черепае закипело.

– Дай руку, – тихо попросила Марианна.

– Зачем?

– Просто дай. – Она совсем покраснела. – Жалко, что ли?

Не жалко. Ухватив и крепко сжав, Марианна присела. Челка могучим махом унеслась в сторону, на меня устремилось напыжившееся лицо – глаза в глаза. Страх, стыд, гнев, ужас, все перемешалось, меняясь по сто раз в секунду. За мою ладонь царевна держалась, как утопающий за спасательный круг. Мышцы напряглись, скулы резко очертились.

Поскольку она смотрела, я тоже не отводил взгляда.

«Пук!» – раздалось внизу. Потемневшие глаза проорали: «Только засмейся!»

Я глядел спокойно. Все нормально. У организма есть собственное мнение, он его высказывает. В стае мы с Томой высказывались и не так. И по пути в цивилизацию тоже особо не парились.

Тоненько зажурчало. Пальцы, впившиеся в мою руку, ослабили хватку и отпустили только тогда, когда Марианна поднялась.

– Идем? – Теперь я перехватил ее ладонь.

– Идем!

Марианна будто заново родилась. Откуда-то взялись силы, иногда она даже обгоняла меня на марше. Что ни говори, а совместное решение проблем, которые в одиночку кажутся нерешаемыми, сближает крепче печати в паспорте. Чаще всего оно к последнему и приводит – если один из решальщиков ранее не сблизился с кем-то другим. Как раз мой случай. Марианну положение дел угнетало, как раба господский ошейник, что выражалось вздохами, походкой, взглядами, перепадами настроения. К счастью, гордость тоже имелась, постепенно она задавила и перепланировала капризное возмущение мировой несправедливостью во что-то приемлемое для нормального сосуществования.

Немалое время прошло, пока мы опять вышли к воде. И вновь – шум, плеск, визги...

– Это по твоей части, – определил я голоса как женские. – Пойдешь знакомиться с местным населением?

– Надо?

– Мне кажется, что лучше не надо. Живее будем.

– И ты розг избежишь. А то соберешься подглядывать... ради моей безопасности, конечно же.

Мы обошли женскую купальню по широкой дуге. Чаща внезапно поредела, линия деревьев впереди закончилась, дальше за широким серо-желтым пустырем уходили вдаль ровные ряды садов. Между деревьев кучковались кособокие ящики, из которых кто-то высыпал собранный урожай прямо на землю – догадываюсь даже, кто именно. Нежданный дождь порушил планы садоводов, и мелкую рабочую силу временно отпустили – скорее всего, до полной просушки плодов перед новой укладкой и последующей отправкой. Где-то неподалеку ржали кони. Наверняка, это тягловая сила телег, посланных за товаром. Теперь и лошадки отдыхали.

– Что за фрукты? – вспыхнул плотоядный интерес царевны.

– Не знаю, отсюда не видно.

У меня тоже дернулся кадык. Голод не тетка. Я присел на одно колено и судорожно всматривался. Марианна грохнулась на оба колена и склонилась вперед, пользуясь передышкой для осторожного потирания плодов своего любопытства и для разглядывания плодов своего желания.

– Я слышала, что говорили про какие-то орехи, но орехи – маленькие. Какие же это орехи?

– Допустим, чернобыльские, – пошутилось мне сдуру.

– Как-как?

Я укусил себя за язык.

– Раз апокалипсис был, значит могли произойти события, после которых...

– Апокалипсис, – поправила Марианна. – Говори правильно, ты не крепостной.

– Ладно, пусть апокалипсис. Никто не знает, насколько страшные вещи там творились.

– Сестры знают.

Интересненько.

– А как бы мне узнать у них подробнее?

– Тебе не расскажут. Допуска нет.

– Что сделать, чтобы он был?

– Для начала – родиться девочкой.

– Допустим, родюсь. Что дальше?

– А ты не сдаешься. – Марианна наградила меня поощрительным кивком. – Дальше – уйти в сестричество. Посвятить жизнь служению. Достичь высокого положения. И тогда тебе откроются все двери сестыря.

– Значит, ответы находятся в сестыре?

– Наверное. Где же еще?

Разговаривая, Марианна машинально поглаживала отбитые места.

– Потерпи, скоро промоем и полегчает, а пока... – Я сорвал с земли несколько овальных зеленых листиков. – Приложи, где кровотоцит.

Царевна, как выяснилось, знала о целебных свойствах подорожника, но не помнила, как тот выглядит. Она с радостью схватила листики и принялась изворачиваться... перекобачиваться... извиваться... после чего взмолилась:

– Не поможешь?

– Конечно, помогу. Просто ждал, когда попросишь.

– А сам предложить?!

– Нет уж. Предполагаемое действие связано с касанием, если не сказать троганием, весьма деликатных мест. И их прямым рассматриванием... если не сказать разглядыванием. Это не в реке спасать.

– А там, значит, ты трогал и разглядывал?!

– Прекрати, это не смешно. – Взяв первый лист подорожника, я задумался, куда его прилепить в первую очередь. – В следующий раз могу и не спасти.

– Прости. Если тебе станет неудобно, представь что ты – врачеватель.

– И представлять не надо, сейчас я он и есть. Иначе ни за что не взялся бы за такой геморрой.

Последнее слово не вызвало вопросов даже в конкретном контексте. Просто не до того – или?..

– Спасибо. Как лучше встать, чтобы тебе было удобно?

– Молча.

Марианна ядовито покосилась на меня:

– А серьезно?

– Серьезнее не бывает.

Подумав, она опустила на колени и ладони, выдав мне максимум поверхности для лечения. Я покачал головой:

– Ходить собираешься так же? Все отлетит, едва встанешь. Поднимись. – Я подвинулся и даже временно отвернулся для обеспечения застенчивой спутнице свободы маневра.

– И долго мне тут торчать столбом? – через секунду мило и чисто по-дружески позвала она. Предпочитаю считать так, иначе удушил бы на месте.

Я обошел вертикально вытянувшуюся царевну по кругу. Ее щеки пылали, взгляд старательно не встречался с моим. Опущенные по швам руки судорожно шевелили пальцами. Странное существо. Ни одной логически продолженной мысли или поступка. Все время только крайности. Вот, например, я: выбрал линию поведения и придерживаюсь в меру возможности, а зачастую даже невозможности – по прихоти нашей мисс Непредсказуемость. И если бы не ее взбрыки, все было бы легко и спокойно. Как в могиле.

Гм. В таком случае, может, не столь уж и плохо, что иногда царевна вредничает и колотит?

Итог осмотра оказался однозначно неудовлетворительным: смешанные с кровью грязь, пыль, песок. Прежде, чем лечить, раны промывают.

– Знаешь о полезных свойствах слюны? – спросил я.

– Конечно. Если обжечься и поплевать на ожог...

– Это, конечно, тоже, но главное, что слюна хорошо... – гм, как по местному «дезинфицирует»? – заживляет раны. Так волки делают, чтобы спастись от заразы. И человолки. И почти не болеют. Поэтому стой и не дергайся.

Моими инструментами стали губы и язык. Я принялся за работу с максимальной быстротой, все же надеясь, что вскоре мы найдем воду и сделаем все по-человечески. Марианна млела. Она напряглась, лишь когда я, присев, приблизился к самому ценному. Впрочем, не она одна напряглась, пришлось спешно менять диспозицию, во избежание. Теперь я врачевал то в одном месте, то в прямо противоположном, лизал и сплевывал, снова лизал и снова сплевывал, последним действием бесконечно портя его начало.

– Щекотно! – уворачиваясь, хохотнула царевна.

– А ты не дергайся.

Пришлось придерживать то за плечи, то за талию, то за бедра, в зависимости от.

Наконец, основные раны были обработаны и заклеены подорожником. Бледно розовый леопард в зеленых пятнах сделал шаг вперед, голодная мордочка указала на сваленные в садах плоды:

– Как туда незаметно пробраться?

– Ты уверена, что те фрукты нам по зубам?

– Зачем же их выращивают, если не для еды?

– Скажем, выкладывать дороги. Или скормливать лошадям, чтобы лоснились и повышали мясо-молочные показатели. Или настойку из них продавать как средство от облысения и повышения потенции. Или...

– Повышения чего?

– А почему не спрашиваешь, что такое «продавать»? Неужели, знаешь?

– Не знаю. Что такое «продавать»?

– Менять на деньги, на которые потом можно поменять все что угодно.

– Глупость. Если мне что-то нужно, я поменяю на то, что у меня есть, безо всяких денег. –

Взгляд паревны указал на соответствующее мне, по ее мнению, место в умственной цепочке эволюции – куда-то вниз, а то и вглубь.

Я гнул свое:

– Коня на миску каши?

– Нет, конечно, но...

– Пирожок на меч?

– Прекрати. Никто никогда не поменяет один пирожок на один меч, это невозможно.

– А с деньгами возможно. Деньгами возмещают разницу между ценностью меча и пирожка, на заплаченную деньгами разницу можно купить что-то еще, разное, тоже с несопоставимой стоимостью. Возможности вырастают непредставимо.

Царевна задумалась:

– В этом что-то есть.

Я был рад, что первый вопрос успешно похоронил обсуждением второго.

– И все-таки...

– Тсс! Там!

Глава 3

Тщательно следя, куда ступаем, мы осторожно сместились обратно в тень самых густых деревьев. В нашу сторону шли две местных девушки, примерные ровесницы Марианны – светленькие, простоволосые, в похожих на мальчишеские рубахах до колен, но с присущими прекрасному полу особенностями: сероватую холстину украшали нашитые кружева и вышивка. Босые ножки старательно избегали острых коряг, лилась мирная беседа:

– Завтра в Тихаревку свезут неустойщиков. Дали бы и нам посмотреть на казнь. Дело-то государственное, как раз для таких, как мы, а то весь воспитательный эффект насмарку.

– Их не для твоего воспитания, а за неуплату святой десятины.

– А я бы с удовольствием посмотрела.

– И я бы посмотрела, но кто даст?

Жалости к будущим трупам у девочек было ноль. На этой стороне реки к смерти относились ничуть не трепетнее, чем на противоположном.

Обе девочки, на мой взгляд, были толстоваты. Отвык я уже от природной пухлости, сказывалось долгое пребывание в условиях, где она не выживает. Пухленькие щечки и пышненькие бедра выглядели приветом из другого мира. На одну подружку физика расширяющихся тел действовала одинаково во все стороны, грозя со временем превратить в мягкую сферу со скрипуче-жестким голосом. Вторая счастливо отделалась свойственными полу вспучиваниями местного значения. Разговор легко перелетал с одной темы на другую:

– Конязь ищет не просто наложницу, а боевую подругу. Если незамужняя от пятнадцати и старше чиста телом, быстра умом, без разной обузы и еще девица, то показать себя может любая.

Говорившая с намеком подмигнула более полной подруге. Та отмахнулась:

– Мы ни статью, ни рожей, ни летами не вышли. Не про нас сказки.

– Конязь мудрый, он не на рожу смотрит, а вглубь.

– До «вглубь» не дойдет, если рожа хромает. Он же мужик, хоть и конязь.

– Он мудрый мужик.

– А ты откуда знаешь? Сам тебе во сне рассказал?

– Так говорят. А народ не обманешь.

О, счастливые времена, не знающие политтехнологий и проплаченных средств массовой информации... которые другими, собственно, не бывают. Наивные люди, наивные нравы. Не выдвинуть ли свою кандидатуру в местные правители? Создать партию, наобещать всего-всего, черным пиаром опорочить конкурентов, напридумать себе или присвоить чужих заслуг... и собирать девок в наложницы через годик буду уже я. В горле застрял смешок, по лицу разлилась патока улыбки. Недоуменно оглянувшаяся Марианна толкнула меня в бок и приложила палец к губам.

Выбрав место погуще и потенистее, мы сползли в ямку, прикрывшись придерживаемой нагнутой веткой. Девчата, прекрасно видимые сквозь листья и верхушки высокой травы и не видящие нас, спокойно продолжали:

– Если б женились не с пятнадцати, а, как в старину, с физического взросления, я бы рискнула.

– Соври, что тебе уже. Бывало, проходило.

– А то я не думала. Но кто отпустит, кто отведет?

– Сбеги. – У толстенькой на этот счет все было просто. – Нужно только желание. Настоящее желание.

– А ты, значит, не желаешь?

– А то от наших желаний что-то зависит. Я слышала – сказали привозить всех, не только желающих.

Полупышка рассудительно заявила:

– Стерпится – слюбится.

– С конязем-то, поди, у каждой слюбится, за такую жизнь что угодно стерпится.

– Не скажи.

– Я бы стерпела.

– А я не такая.

– Сама дура.

Мы с царевной притаились в тени укрытия, прикинувшись кустиками. Облепленной подорожником Марианне маскироваться было легче, а я старался спрятаться за или под нее. Впрочем, девчонок не интересовало ничего, кроме собственного разговора. Даже обидевшись друг на дружку, они не смогли долго молчать.

– Правильно мы с Огняной на реку не пошли, холодрыга непередаваемая. А они наслаждаются. Не понимаю.

– Ой!

Я вздрогнул, царевна прижалась ко мне и покрылась мурашками, но «ой» относилось не к нам. Одна девица схватилась за плечо второй, подняла ступню, поддерживая ее ладонью, и вгляделась, что-то выискивая.

Вторая досадливо топталась на месте, служа могучей опорой для менее округлой подружки. Стоило одной из них посмотреть в нашу ямку, и нам конец, но пока чудеса продолжались.

– Как думаешь, скоро нас по домам? – скучая, осведомилась ничем не занятая.

– Пока не закончим. – Балансировавшая на одной ноге симпатяшка мотнула локонами, указав на уходящие в бесконечность сады.

Градус настроения пышной подружки еще больше понизился.

Заноза была найдена, злобно уничтожена и торжественно развеяна. С облегчением наступив на обе ступни, девчонка радостно попрыгала. Обе зашагали прочь, вызвав у нас синхронный вздох облегчения.

Как всегда, рано обрадовались.

– Подожди, я сейчас.

А ведь они почти ушли. Бывшая занозовладелица развернулась, перенаправив стопы прямо в наши дебри. Спираль разговора начала новый круг:

– Надоело по ночам от мальчишек защищаться. Этот Артем такая сволочь...

– Не надо, никакая не сволочь. – Оставшаяся в одиночестве пышка принялась лениво водить ступней по траве.

– А вот и сволочь! Еще какая! – В трех метрах от наших распластанных тел девица вновь повернулась лицом к подружке, присела на корточки, задранный балахон взлетел на талию.

Как, подойдя практически вплотную, можно было нас не заметить?! А вот ведь. Чтобы видеть, нужно смотреть, а девчонку занимало другое. Она увидела бы только нечто внезапное, среагировав на движение.

Вторая после некоторого размышления и совета с собственным организмом тоже направилась к нам. Не именно к нам, а к лиственной завесе, скрывавшей меня и Марианну от вида со стороны. Для нас это не имело значения, до оглушающих воплей, визга и привлечения внимания всего побережья осталось шесть шагов...

Пять...

Четыре...

Шагающее олицетворение неизбежности достигло точки бифуркации, после которой события развиваются лавинообразно, и остановилось точно на границе тишины и паники. Оли-

цетворение развернулось на месте и примостилось в каком-то полуметре от замершей в естественном процессе первой госпожи Невнимательность. Руки второй так же приподняли подол, обшитая рюшечками рубаша собралась складками на талии, которая тоже собралась складками – мощными, мясистыми, молочно-матовыми. Если судьба умеет хохотать, то сейчас она делала это, дважды обернувшись к нам задом. Большим и... очень большим. Как говорится, в тапера не стрелять, играет как может. То есть, говорю как вижу. Раньше в голову не могло прийти, что в подобном ракурсе человеческий реверс может стать вдвое шире по сравнению с состоянием стояния. Пухлые выпуклости, прежде казавшиеся округло-овальными и напоминавшими взбитые подушки, обрели твердость и сошлись указывавшими вниз углами прилежащих треугольников. Точнее, треугольник получился один – тупым углом вниз, поделенный пополам и чуть скругленный. Треугольник! Всю жизнь мне казалось, что низ у присевшего человека – два полукруга, эллипса или, в крайнем случае, овала, но никак не треугольник. Фиговый из меня вышел бы художник.

Я наблюдал с волнением естествоиспытателя, дорвавшегося до величайших тайн природы. Центральные ложбинки, в которых недавно спряталась бы пара ладоней, и никто бы не заметил, превратились в плоские вертикальные линии. Белое полотно на диптихе менее широкого холста в двух разнесенных в стороны местах имело странные темные разводы. Синяки? Девчонку били? Тогда – били ремнем с эллипсовидной бляхой. А эмблемой на бляхе явно был круг. Интересно, что что означает знак. Чей-то герб или знак Солнца. Или Луны. Мало ли. Вот если б двуглавый орел, якорь или звезда, я бы задумался.

Марианна недвусмысленно накрыла мне глаза ладонью. Я укусил за мизинец и движением шеи скинул препятствие, гневно поскрежетав зубами. Пронесся скоротечный бой взглядов, вылившийся в немой спор:

«В лицо опасности нужно смотреть открытыми глазами!» – утверждал я, объясняя, что не пялусь, как почему-то кажется напарнице, а тщательно отслеживаю ситуацию.

«Так то в лицо!» – укоряло меня осторожное покачивание головы Марианны.

«Уверяю, в большинстве случаев опасность выглядит именно так», – настаивал я.

«Прямо вот так?» – прилетела указующая усмешка.

«Либо кончается этим», – не сдавался я.

– Артем не сволочь, а простой шкодник, – поддержала угасший разговор обладательница большей достопримечательности.

– Шкодник?! А тебе синюшным соком глаза на попе рисовали?! – возмутилась пыхтевшая вторая.

Я стремительно зажал рукой рот. Вот тебе и гербы.

– И чего они лезут в наши шалаши?

– Ну что ты взъелась. Просто повеселиться хотят.

– Когда утром рожа в саже – по-твоему, это смешно?! – Меньший треугольник, похожий на место выгрузки у вагона для сыпучих грузов, начал обретать былые формы воздушного шара. Девица поднялась и оправилась. Из-под балахончика снова торчали лишь плотные загорелые икры.

– Смотря как разрисуют. Иногда с такой фантазией, так забавно получается, даже здорово, – поддела ее пышка, тоже поднявшаяся и из горизонтального овала восстановившая объем в вертикальном.

– Тебя, Кистена, меньше трогают. А мне всегда достается.

Пончик по имени Кистена вздохнул и завистливо покосился на весело зашагавшую вдаль подружку, ответившую:

– Неправда, они со всеми ведут себя одинаково. Помнишь, у нас кто-то одежду утащил и по верхушкам деревьев развесил? Не у одной же тебя.

– Селили бы нас подальше от мальчишек. Или охрану поставили. Или дошло бы до конязя, как мы на отработке ночами мучаемся.

Удалявшийся разговор снова перекинулся на правителя:

– По-моему, блажь о боевой подруге – это все от потусторонних идет. Проклятое Каиново племя. Надо запретить даже смотреть в их сторону! Мамка говорила, мужики специально на берег ходят, на тех баб глядеть. Стыдоба и срамота.

Глядя только друг на друга и, иногда, под ноги, подружки скрылись из глаз.

На меня хлынул ливень царевниного укора, граничившего с презрением:

– Так нельзя! Они ведь женщины! Тебе не стыдно?

– Подслушивать?

– Нагло рассматривать!

Что за невезуха. И когда рулят мужики, и когда женщины, никогда нельзя. Почему именно мы, мужской пол, всегда в пролете?

– А почему тебе можно? – искренне возмутился я.

Решение сыграть обиду или устроить сцену проиграло главному женскому качеству: любопытству.

– Ладно, забудем. – На меня вспорхнул вопрошающий взор. – Я не поняла, про что они говорили?

– Мальчишки ночами в женскую общагу лезят, безобразничают.

– Нет, я спрашиваю о том, что куда-то девиц приглашают.

Вот что ее зацепило. Ну, дык, тоже девица, однако. Самая настоящая боевая подруга, аутентичная потусторонняя.

– Местный царек проводит кастинг. Кстати, не хочешь попробоваться? Идеальный претендент. Красива, умна, физически развита, в боевых искусствах подкована. Ни дать, ни взять – боевая подруга, причем обаятельная и привлекательная.

Марианна конфузливо сияла. Расплывшиеся в улыбке губки не удержали внутри неудобный вопрос:

– А наложница – это кто?

– Ну... – Я почесал затылок. – Как бы жена, но не навсегда, а пока есть чувства.

– Странные отношения. Любопытные. Есть своя логика. А страннее всего, что мужчина выбирает женщину, тебе не кажется?

– Так и должно быть, если уж мы оказались в мужском мире.

Кожа на лбу Марианны взлетела, потянув за собой брови, веки, ресницы... На меня установились круглые непонимающие глаза:

– Это невозможно, потому что не может быть никогда!

– Привыкай. Заметила: ты много слышала про конязя, но ни разу про конязьку или какую-нибудь коняжну.

Конязь – однозначно мужик и по титулу самый главный, ни о ком главнее мы пока не слышали. И выбирает здесь – он. Так что, пусть с каким-то прибабахом, но здешние порядки не столь матриархальны, как заречные.

– А смотреть местные ходят... на нас?

– Ага, – подтвердил я с ухмылкой. – Вы для них типа развлечения. Бесплатное зрелище из цикла «Бывает же» и «Ну, совсем распустились! Надо проверить насколько».

– А мы видим только корыта на воде и огоньки костров. Погранцарберы никого не допускают до Большой воды, но их патрули нечасты, и иногда удается...

– Вот тогда вами и любуются, – завершил я. – Пойдем, боевая подруга.

Обращение Марианне понравилось. Она вспыхнула, озарилась животворящим внутренним светом, полившимся отовсюду, даже через радостно разгладившуюся заблестевшую кожу. И походка стала упругой, легкой, танцующей. Волосы как будто высохли в один миг и уложи-

лись в прическу. Где-то что-то чувственно выпятилось, где-то, наоборот, стыдливо подобралось.

Я привычно все испортил:

– Как мальчишки еще сказали? Бой-баба?

Что называется, с небес на землю. Я постарался все исправить, увидев начавшееся обратное преобразование:

– Нет-нет, это не про тебя. Ты – бой-бабочка.

Глава 4

Сказанного не вернешь. Рядом со мной снова шла прежняя Марианна – усталая, отстраненно-равнодушная, сомневавшаяся. Дойдя до упавшего дерева, она повалилась на него всем телом, вдоль, руки свесились с разных сторон, левая щека раздавилась о жесткую морщинистую кору:

– Давай отдохнем.

Подорожник с распластавшейся по бревну передней части моментально осыпался.

– Все мое врачевание насмарку.

– Прости, не подумала.

– Больше драгоценную слюну так бесполезно расходовать не буду.

– Я же повинилась!

С ее точки зрения, пустого проходного извинения достаточно, чтобы все стало по-прежнему. Так рассуждают дети и женщины.

Я опустил на траву рядом со струящимся вдоль бревна телом царевны, вытянул ноги и откинул голову на мягкое вздрогнувшее бедро. Затылок оказался как на подушке, а волосы почувствовали нежную руку, их пригладившую.

– Чапа, у меня постоянное ощущение, будто я знаю тебя с рождения. Ощущение давнее и стойкое. Почему так?

В груди похолодело. Близок провал резидента?

– Не знаю.

– Несмотря на странную знакомость, ты поражаешь меня все сильнее. – Ладонка Марианны соскользнула мне на плечи, томные мурашки побежали от пальчиков, принявшихся играть с моей кожей. – Открываешься с новых, каждый раз лучших сторон. Это немыслимо. А ты не перестаешь удивлять. И что самое непредставимое – не притворяешься. Я видела тебя с самого начала боя за нас, глупых девчонок, не сумевших самостоятельно сделать того же. Первое впечатление от человека самое правильное: он же еще не знает, что именно от тебя скрывать.

– А я тебя помню только с темноты на дне ямы, – честно признался я. – К тому времени ты уже знала, что скрыть о себе?

– К тому времени я восхищалась тобой, впервые увиденным мужчиной-командиром. Если здешний... как его?... конязь хочет боевую подругу, то я со времени освобождения из плена мечтаю о боевом друге. О настоящем, а не как все царевичи, безмолвные хвосты своих царисс. Нетрудно мечтать об этом, когда образец перед глазами. Мечтать и... надеяться. Верить. Страдать, терять надежду, ломать себя, уговаривать... и однажды узнать, что все достижимо. Узнать, что ты мог бы любить меня так же, как любишь сейчас другую, которая, возможно, уже не существует на свете... но продолжает жить в твоём сердце. Этим я тоже восхищаюсь, потому что никогда ничего похожего не встречала, потому что, как мне казалось, так не бывает. Ничего не могу с собой поделать. За один настоящий поцелуй – не такой, как на дереве, замещая воображаемую дублершу, а по-настоящему настоящий – я бы отдала...

Меня подняло как вихрем, я перебросил ногу через царевну, упал сверху, и нежное тельце оказалось сжатым в моих забравшиеся снизу ладонях. Ко мне вывернулось одуревшее в испуге-восторге лицо, оно в режиме прямого эфира наливалось переборотым стыдом и противоречивой отвагой. Плечи напряглись. Волосы разметались. Бездонные искренние глаза, полоуя мне щеку ресницами, вопрошали: что происходит, почему и что будет дальше? Что-то собрался сказать приоткрывшийся ротик, но не успел, я заткнул его поцелуем.

Губы слились. Мир перевернулся. Марианна растеклась сладким желе по шершавому бревну. Не понимая, что случилось, не зная рамок дозволенности, все в ней стремилось

достичь поставленного лимита, увидеть полосатые столбы границ и припасть к ним всем сердцем, всей душой, всем своим взлетевше-упавшим существом. А я не мог ничего объяснить, не было возможности. По телам уже бежал огонек, как по бикфордову шнуру, который не останавливать. Мозг накрыли раскаленные ощущения прелюдии перед взрывом.

– Ой, гляди, Кистена: любушки! – раздалось прямо над головами.

Ну, почти над головами. У ближайшего дерева.

– Ма-а-ать моя отцова жена! Совсем стыд потеряли. Прямо рядом с полем...

– Простите... – Я потупился, соскальзывая за бревно.

Марианна осталась там же, где была. В шоке.

– Да уж понимаем, чего уж. – Гости пожирали нас глазами.

Те же болтливые подружки направлялись обратно. Решив срезать через лес, они вышли прямо на нас и теперь глазели в четыре донельзя выкатившихся шара, наслаждаясь своей как бы властью над нашим как бы позором. Их глаза не упускали ни одной детали происходящего, но все соответствовало легенде: я, красный как рак, пугливо прикрывал восставший организм, соучастница потрясенно деревенела и старалась слиться с бревном в единое целое. Не унимавшиеся дыхания, прячущиеся взоры и взошедшие предательскими солнцами красные пятна на коже не оставляли сомнений в искренности увиденного.

– Елка, чего вылупилась? Пойдем, не для того они в лес ушли, чтобы всякие такие, как мы...

– Да-да, мы уходим. – Елка, уводимая под руку Кистеной, даже удаляясь, выворачивала шею и продолжала глядеть на нас. – В следующий раз прячьтесь получше. Хорошо, что увидели мы, а могли не мы. Хоть бы к заводу ушли, там никто не увидит.

– Пойдем же, – тащила ее толстенькая подруга.

– Мы никому не скажем! – выкрикнула на прощание Елка.

Шаги затихли. Вообще все звуки удалились из мира и сознания. Осталась набатная тишина. Только шум ветра в мозгах. И красные круги перед глазами.

Прикусив язык чуть не до крови и раздрающе болезненно ущипнув себя где только можно, я трижды прогнал глаза по орбитам в одну и в другую стороны, затем шумно выдохнул.

Отхлынуло.

С минуту приходя в себя и успокаиваясь, мы с Марианной приводили в порядок взведенные нервы и переволновавшиеся организмы.

– Как иначе оправдаться, что мы без одежды? А так – никаких вопросов. Идеальное алиби в нашей ситуации. – Я поднялся с травы и подал Марианне руку.

– Ты все сделал правильно.

Наши ноги переставлялись сами, без участия голов, это было видно по расшатанной разнаправленности шагов и расфокусировке зрения. И полном разброде сознания.

Сквозь листву по лицам било ядерно-яростное солнце, в глазах вспыхивало, прямые лучи ослепляли и заставляли морщиться или отворачиваться – то есть хоть что-то делать разумно. Мы не прошли трех сотен метров, как впереди заблестела небольшая речка, где-то слева втекавшая в Большую воду. Быстрый поток метров пяти шириной змеился между холмов, а прямо перед нами он разливался в низинке по мелководью, образуя большую полукруглую заводь. Вся прибрежная зона и часть водной глади поросла травой, в которой легко спрятались бы несколько рыбаков или взвод пограничников.

– Наверное, это заводь, о которой говорила Елка.

Марианна прошла со мной до воды, точнее, до зарослей, сквозь которые следовало пробиваться к чистой воде.

– Там дальше течение. – Я остановил ее у края. – Снесет в Большую воду. Давай пройдем выше, найдем место поспокойнее, где можно пересечь с запасом расстояния на снос. В Большую воду мне пока не хочется.

На меня глянули большие серьезные глаза:

– Научи меня ходить по воде.

– Я, возможно, свят, но не настолько.

Шутку не поняли.

– Ты же ходил. По реке. Лежа.

Ходил лежа. Ага.

– У нас в долине... – А ведь в долине я не видел ни одного пловца. И не увидел бы, даже если познакомиться с каждым жителем, иначе запираемый на замок мост превратился бы в фикцию. – Однажды я упал в большое озеро... и выплыл. Может, и тебя бросить куда-нибудь?

– Не бросай меня! – полушутливо взмолилась Марианна. – Никуда. И никогда.

Концовка явно из другой оперы.

– Это самый действенный способ, – настаивал я. – Когда смертельно опасно, организм мобилизует резервы...

– В Большой воде мне угрожала опасность, но организм ничего не мобилизовал, кроме паники. Я хочу научиться выживать сама. Ты же не всегда будешь рядом?

Весьма тонкий вопрос-утверждение. Их числа женских шуточек, когда имеется в виду совсем не то, что говорится. Например, «Пошел на фиг, и чтоб я тебя больше не видела» на самом деле означает «Ну подойди, обними и поцелуй!», «Ты согласен?» – в переводе с женского будет «Ты обязан согласиться!», «Где шатался, тварь?!» значит «Я так соскучилась...», «Меня это полнит?» требует ответа на «Очень видно, что оно меня полнит?», а провокационное «Я толстая?» – это «Ты меня любишь?»

А женское «Решай сам» мужчина вообще должен понять как «Все равно сделаю виноватым тебя».

Мой ответ известен, я всегда говорил, что люблю другую. Могу ли при этом всегда быть рядом с Марианной? Вопрос риторический. Я молча двинулся на глубину. Марианна пристроилась хвостиком, тоже не произнесла ни слова.

Мы остановились, когда вода поднялась чуть выше пояса. Со всех сторон нас скрывали заросли, и если не шуметь, чужие не заметят.

– Ложись на руки.

– Как тогда, в озере? – Марианна с удовольствием плюхнулась животом на подставленные ладони.

– Голову вверх и начинай подгребать руками. – Я старался не отвлекаться на ощущения. – Отталкивай от себя воду! Закон инерции: когда ты пихаешь воду в одну сторону, она отпихивает тебя в другую. Шевели ногами. Не так. Вверх-вниз ступнями. Или по-лягу... по-квакски.

Ил поднимался под топчущимися ногами. Руки несли царевну по кругу словно бомбу – опасно, но надежно и с надеждой на лучшее.

Марианна старалась. Создаваемые ею волны вливались ей в открытый рот, она плевалась, глотала, но не сдавалась. Впереди и сзади ее конечности взбивали пену двумя гейзерами, но весь эффект уходил в воздух и на дно.

– Подожди. – Я остановил движения и поставил бурно дышащую напарницу на ноги. – Перевернись. Сначала научись лежать на воде.

– Смеешься? На воде лежать нельзя!

– А ты попробуй. Набери больше воздуха.

Недоверчивые глаза продолжали смотреть на меня, но грудная клетка Марианны расширилась, щеки надулись, и тело откинулось назад.

– Грлфр... тону-у!

Я спешно вернул начинающую русалку в вертикальное положение:

– Не все так просто.

– Было бы просто, сама бы до всего дошла. – Упрямая царевна злилась, только непонятно на кого: на неумеху-себя или на непутевого учителя? – Покажи, как правильно.

Доигрался. И не отвертеться, царевна в своем праве. Она же ложится, как я ей говорю, и не важно, где что при этом выпирает.

Предупредительно пожурив пальцем, я откинулся навзничь – плавно и медленно, чтоб не взбаламутить воду. Руки раскинулись, ноги выпрямились, тело уравнилось. Из погруженного лица сверху остались только глаза, нос и рот. Полежав так с полминуты в ненавистном качестве пособия, я вернулся в исходное положение учителя:

– Научись доверять воде. Попробуй еще раз, но без напряжения. Отдайся воде, пусть она несет тебя, как хочет, не думай ни о ней, ни о себе.

– Не могу не думать. Меня уже несло, и ты помнишь, чем кончилось.

Помню. Значит, для начала ей нужно держаться за что-то. Из чего-то здесь был только кто-то.

Я почесал стриженный затылок:

– Прости за позу, которую придется принять, но...

– Слушай, это я должна стесняться, а не ты. Как лечь?

– Гм. Не лечь. Обними меня руками и ногами.

Глаза Марианны напряглись одновременно подозрительно, одобчительно и уважительно:

– Ты уверен? Я-то как бы не возражаю...

Не договорив, она запрыгнула на меня – как можно быстрее, чтобы не успел передумать. Моя шея оказалась в капкане рук, поясницу обвили ноги, по груди распластались громко стучащие мягкие колокола, сбивая дыхание обоим.

Я взял Марианну за талию:

– Теперь отпусти руки. Отпускай-отпускай. И опрокидывайся назад. Медленно. Ложись на воду. Раскинь руки. Дыши ровно. Не бойся, пусть лицо погрузится еще глубже, я держу. Запрокинь лицо.

– Я не смогу слышать! – Марианна напрягла живот, и ее тело поднялось над водой, повиснув на крепко стиснувших мою поясницу ногах и моих поддерживающих ладонях.

– Нужно не слышать, а выполнять! Расслабься и лежи, это все, что требуется. И не вставать без приказа!

– Но как я услышу приказ?!

– Почувствуешь! – С силой нажав, я плюхнул ее обратно.

Подействовало. Марианна мужественно отплевывалась, захлебывалась, тонула, взбивала руками пенные буруны, но задранного в небо подбородка больше не поднимала. На искрящемся упавшем небосводе передо мной белел живой Млечный путь, который оплел меня кольцами планет и связал общими орбитами. Он имел свою непреклонную волю – но подчинился моей. Зовуще-далекий – и такой терзающе-близкий. Недозволительно близкий. До ожогов на коже. Еще – чужой и странно родной одновременно (ага, мы же в ответе за тех, кого).

Притворявшееся прирученным создание мерно дышало, закрытые глаза периодически заливало, а макушку, половину лба, виски и уши полностью захватила враждебная стихия, с которой, пытаясь помириться, царевна продолжала бороться. Шея, ребра, бедра – их так же поглотила бриллиантовая рябь, а кораллово-белый остров живота то погружался, схлестываемый волнами, то снова всплывал, подставляя лучам блестящую нежность. Выемка пупка превращалась в маленькое озеро, звавшее на водопой (и ведь хотелось, блин его за ногу), а чуть выше над синей густотой выступали луковки куполов, словно храмы утонувшего Китежа маня в царство нимф, сирен и водяных. Или хотя бы в ладони – напоминая о бренности сущего и с мыслями о высшем взывая к низшему.

Нет уж, уважаемый Китеж, утонул так утонул.

Я чутко улавливал приливы и отливы взаимоотношений с водой, которые царевна выстраивала с моей помощью. Когда тонула – приподнимал, расслаблялась – плавно опускал. Смотрел на нее (а куда еще смотреть?) и думал: не роняли ли меня в детстве? Что я за человек, если со мной делают, что хотят, а я покорно ведусь, думая, что веду сам?

Легко соблюдать чужие правила, если приятно и выгодно. Легко быть человеком-говорящим-да. И в момент приятного процесса так трудно вспомнить, что у каждого правила есть автор, а у автора – цель.

– Хватит. – Я выдернул из воды только что сумевшую совсем расслабиться царевну и могучим отодвигающим движением от себя разорвал обруч из ног.

У падения с высоты, которую покоряешь всю жизнь, два минуса. Можно разбиться и невозможно забраться обратно. Вопрос: зачем падать?

Глава 5

– Что случилось? – всполошилась очаровательная поплавчиха, тут же спрятавшись в воду по горлышко. – Чужие?

– Нет, свои.

– Где?

– В голове. Потому что – мысли.

– Не поняла.

– Я пока тоже, но общее направление гениальнейшей идеи дня ухвачено, дальше будем импровизировать. Иди за мной.

– Обратно?! – изумилась Марианна, но беспрекословно пошла след в след за мной в направлении местных купальщиц, раздвигая завесу зарослей, словно ледокол вставшие на дороге торосы. – А хождение по воде? У меня только начало получаться!

– Потом продолжим.

– Хорошо. Учти, я запомнила: ты обещал.

Вот так они с нами, людьми слова. Точнее, с людьми слов, наполненных поступками. Был бы я обычным пустобрехом – никакой ответственности. Неси любую чушь, обещай хоть жениться – ни за что не отвечаешь. Жаль, что не все могут отличить слова-воду от слов-золота. Те и другие блестят на солнце, но вторые не испаряются под его лучами. Ого, как сказанулось. У меня в роду, случаем, эфиопов не было?

– Тихо!

По краю шумливого берега мы подкрались к деревьям и залегли, высокая трава укрыла нас с головой. Просветы в зелени давали смутный вид на веселившихся на мелководье девчонок. Голосов не разобрать, так как все говорили одновременно – впечатление создавалось именно такое. Одни плескались, не заходя в реку дальше, чем по колено, вторые «плавали» там, где по щиколотку. Третьи что-то бурно обсуждали, окунув в воду только ступни.

– Сиди тут! Голову не высывай! – приказал я, уползая вперед.

– А если тебя начнут бить – можно?

– Нужно.

Подумав, я добавил:

– Если за мной просто погонятся – удирай в другую сторону от той, куда бегу я. Я побегу вверх по течению, сделаю круг и найду тебя у заводи.

– А если случится что-то непредвиденное?

– Тогда действуй по собственному разумению, но с учетом моего плана, иначе потеряешься.

– Я не хочу потеряться.

– Договорились.

По-пластунски проскользнув к разбросанной по берегу одежде, я стал хватать всю, до которой дотягивались руки. Отсюда голоса слышались отчетливо:

– Сколько нам еще по деревьям лазить? Говорят, перволюди с деревьев спустились, а нас каждый день обратно загоняют.

– Сказки о перволюдях ненаучны, ты как будто пап не слушала. Даже не заикайся на эту тему.

– Загоняли бы уж вместе с мальчиками, все веселее.

– Тебе бы только мальчики.

– А тебе?

– А мне – чтобы мир во всем мире.

– Задавака ты, Огняна.

Ну да, мир во всем мире, и еще «чтоб наши победили» – две как-то взаимосвязанные мечты всех детей на свете.

И немного смутили папы во множественном числе. Неужели опять?!

Набрав полную охапку вещей, я прижал их к груди, после чего пришлось вспомнить чело-
волчьи навыки – назад я прошмыгнул на трех конечностях.

Обошлось. Девочки, в отличие от мальчиков, к собственной безопасности относились не просто безответственно, а с какой-то самоубийственной провоцирующей надеждой на безум-
ные приключения, на небывалые события, вырывающие из рутины, которые в принципе невоз-
можны, но... а вдруг? В общем, семь по горизонтали, первая «з», вторая и последняя «а»:
коллекционер приключений, у некоторых особей заменитель головы.

– Зачем так много?! – получил я шипучий выговор от Марианны.

– Увидишь.

Похищенная на пляже одежда была такой же, какую носили Елка и Кистена – длинные,
до колен, балахоны из сероватой холстины, и больше ничего. Несколько балахонов я разбро-
сал по кустам и деревьям далеко от берега, чтобы возможную погоню за неизвестными шут-
никами-шкодниками увести в сторону садов. У нас осталось пять балахонов, с ними мы вер-
нулись к реке выше по течению. Звонкий гомон с пляжика доносился и сюда. Пропаж еще не
обнаружили, на реке звучали смех и беззаботная болтовня. Когда девчонки опомнятся, побе-
гут по фальшивому следу. У нас есть время.

– Выбирай. – Украшенные балахоны рядком упали перед царевной.

Глаза Марианны заблестели. Она перемерила все, прежде чем с большим сомнением
остановиться на одном. Потом на другом. Потом все-таки...

Пришлось насильно отобрать лишние. Оставив себе самый большой, я положил в воду
один из оставшихся, чтобы течение со временем отправило его вниз. Еще пару мы хорошенько
привалили камнями у берега, иначе станет очевидно, что не хватает именно двух, а это напра-
вит мысли на встретившихся с мальчиками парня и девушку. А так – чья-то шутка. Или вет-
ром унесло. Или водой. Либо водяной спер, либо леший. Либо русалка, которая у Пушкина
на ветвях сидит, так как в древней Руси русалками назывались женщины-птицы. Неизвестно,
в какую нечисть здесь верят. А во что-то верят обязательно, ведь даже в моем двадцать пер-
вом веке среднестатистический человек избегает цифры тринадцать, считает, что наступить на
какашку – к счастью, и уходит от перебежавшей дорогу черной кошки. Теперь я знал, почему
суеверия столь живучи. Они кому-то нужны! Сейчас – конкретно мне для использования во
благо конкретного себя.

Думаю, девчонки пошумят и успокоятся. Никто не любит, чтобы над ним смеялись,
поэтому как-нибудь выкрутятся по-тихому, и все забудется.

Отвернувшись от придирчиво разглядывавшей себя Марианны, я примерил новый
костюм. Рубаха, в принципе, такая же, как у мальчишек. Такая же... да не такая, а чисто жен-
ская – с оборочками, кружевами и вышивкой. Двинувшись с повеселевшей царевной вдоль
реки, я по ходу удалил все признаки принадлежности к противоположному полу. Хуже всего
оказалось с вышивкой. С трудом, но я справился: колючкой поддевал по ниточке, рвал и вытас-
кивал. Сборчатую обшивку с подола и краев рукавов я расправил и примотал на бедре как
бинтом.

– Про запас. Вдруг перевязка понадобится?

– Есть хочется, – грустно сообщила Марианна.

Опять встал вопрос еды, и встал колом в горле. День заканчивался, а во рту ни крошки,
если не считать нескольких противных листиков, которые теперь цепко ассоциировались с
поносом. Лягушек было не видно и не слышно, а кузнечики попадались настолько мелкие,
что даже не хотелось тратить силы на поимку. Мы перебились небольшой охапкой лиственной
травы-сныти, замеченной мной по пути. В остальное время еду заменяла вода.

Речушку пришлось форсировать вплавь, глубина и течение не позволили перейти своим ходом. Мы поднялись выше заводи, сняли рубахи, я поднял их на одной руке, а Марианна уцепилась за мою шею. Сплывившись через стремнину, оставшееся мелководье мы прошли ногами, затем подсохли, оделись и побрели дальше.

В местном балахончике Марианна смотрелась очаровательно. Узорчики, оборочки, кружавчики... Я не мог представить, что буду скучать по милому наследию старины. Воспитанный на журнальном гламуре и эталонах высокой моды из телевизора, истинно элегантным я считал только черное и белое, и непременно прямое. Остальное сетевым и телевизионным общественным мнением объявлено кичем, дурным вкусом и дозволено лишь Миланским кутюрье. А кто не кутюрье, тот, по мнению блюстителей народного вкуса, деревенское тетерье, обязанное не выпендриваться и ходить как все – в черном, белом и прямом. В редком случае еще в ярко-красном, но обязательно прямом и без финтифлюшек. Желательно, купленном непременно в Милане или выданном за Миланское. Даже если китайское.

А Марианне шло старинное. Еще бы венок на голову... Я умилялся. Русые локоны спускались до самых лопаток, смущенный взор прятался от моих попыток его подловить, босые ножки дерзко выметывались из-под бордового ободочка платья. Ну, почти платья. Нашейте всяких непонятных штучек-дрючек на любую мужскую вещь – получите женскую.

Впервые за многие месяцы я видел рядом с собой нормальную девчонку, а не воинственное чудо в штанах.

– Тебе идет.

Марианну словно толкнули в дверь, на которой до той секунды пошатывалось ведро с красной краской:

– Не шути так.

– И не думаю.

– Вот и не думай.

Через несколько шагов все больше похожая на свеклу спутница добавила:

– Лучше думай о еде.

– Только о ней и думаю.

– А ты попытайся не только думать, но и находить.

– А ты попытайся не только язвить, но и поторапливаться.

– А ты...

– А вот и не подеремся, – перебил я.

Марианна улыбнулась и умолкла.

Из-за того, что в тот миг мои глаза были направлены на нее, сначала я увидел реакцию: помертвевшее лицо, открывшийся и тут же до боли сжатый рот, едва не подогнувшиеся ноги. С видом на реку на пригорочке догнвали тела на кольях. Ближе лучше не подходить – трупный смрад сносился ветром, но если внезапно дунет в нашу сторону...

Разбойники? Или те самые ушкурники, которых мальчишки называли врагами и сказали, что если те нарушат договор, конязь с ними разберется? Или...

– Кажется, это женщина, – нерешительно предположил я.

Крайние останки действительно чем-то напоминали прекрасный пол. Сейчас сравнение выглядело кощунством. Деревянное острие вылезло между ребер, не давая свисавшим вокруг него жутким ошметкам провалиться ниже. Гниющее мясо шевелилось, конечности болтались на сухожилиях и остатках кожи, запрокинутая голова узнавалась лишь из-за черепа.

– И что же, что женщина? – Взгляд Марианны был тверд и пуст. – Значит, тоже преступница. Невинного человека столь жестокой смерти не придадут.

Ну-ну, наивное создание. Вера во что-то – оттого и «вера», а не «знание», что находится по обратную сторону фактов.

Как говорил Аль Капоне, пуля многое меняет в голове, даже если попадает в задницу. От увиденного у Марианны зашевелились не только волосы, но и мысли.

– Что они могли натворить, если подверглись такой жестокой казни?

Я пожал плечами:

– К примеру, прибыли с той стороны Большой воды. С точки зрения местных – несомненное преступление. Вы же пришельцев убиваете.

– Мы убиваем сразу, не мучая!

– Согласен, убитые должны вас благодарить.

Ирония вышла злой и неуместной.

– В какой жестокий мир мы попали. – Марианна помрачнела.

Она еще долго оборачивалась на трупы. Мне тоже было не по себе, но не по себе мне было и по другую сторону реки. Неплохо бы узнать, кому поклоняются и во что верят здешние обитатели. Считается, что вера делает людей лучше, но люди, которые так говорят, не знакомы с постулатами учения Аллы-мужененавистницы и забывают, что, к примеру, Гитлер был образцовым католиком. Не вера делает нас лучше, а мы веру.

Марианна верила в меня. Увы и ах.

Глава 6

Небесный ориентир периодически терялся, мы продирались сквозь лес наобум. В таких случаях я доверял интуиции. Интуицию подпитывало желание жить. До сих пор ни то, ни другое меня не подводило, и царевна в деле выживания и возвращения целиком положила на меня. Деревья покрывали побережье неравномерно, редколесье сменялось непролазными дебрями. Время от времени приходилось кружить в поисках бреши и, бывало, даже возвращаться, чтобы найти другую тропу. Полянок мы избегали, проходили их по опушке, держась в тени, а редколесье вызывало панику – показаться на просматриваемых участках во весь рост теперь казалось самоубийством. Картинка казненных стояла перед глазами. У нас обоих не выходили из головы страшные мысли, и мы стали намного осторожнее как в передвижениях и производимом шуме, так и в плане безопасности. Теперь напарница сама не хотела удаляться от меня более, чем на шаг. Хорошо, что хотя бы за ручку держать больше не просила. Шарханье из крайности в крайность у нее, наконец, прошло, на некоторое время возобладали трезвый расчет. Другое дело – долго ли продлится здравомыслие спутницы? Как бы она ни храбрилась, а в шкуру мужика ей не влезть. Матриархат, где бы ни появлялся в течение предыдущих тысячелетий, ни в одном месте не задержался на ощутимый для истории срок. Для меня это было поводом к размышлению, и приводило оно к некоторым весьма нетолерантным выводам. За любой из таких выводов феминистки без раздумий на кол посадят. Радует, что мужики в абсолютном большинстве случаев не дадут им такой возможности.

– Я сегодня или перепила, или переохладилась. – Марианна поджала губки и уставилась на меня исподлобья.

– Или испугалась.

Я пытался шутить, но ответ прозвучал серьезно:

– Тогда проблема решилась бы на месте, а вопрос не возник бы. Если ты не хочешь, могу потерпеть еще, только недолго.

– Я человек компанейский, всегда поддержку полезное начинание. С организмом нужно дружить. Если он требует...

– Кто бы говорил. – Марианна вспыхнула и отвернулась.

– Туда. – Я указал на плотную зелень впереди.

Несколько деревьев и высокие кусты создавали чудесное укрытие. Сначала я оставил Марианну в травянистой ямке, а сам проверил, не ожидают ли впереди сюрпризы – ненавижу их в последнее время. Аккуратный обход зеленой завесы по кругу и бросок в стиле человолка внутрь нее прошли успешно, в идеальном для нашей цели местечке враг не поджидал. Распластавшаяся в траве царевна послушно ждала сигнала, я призывно махнул рукой.

Яркие солнечные лучи прошивали кроны почти отвесно, пели мелкие птицы, стрекотали кузнечики. Только недавние трупы мешали атмосфере быть идиллической. Марианна оценила защищенность выбранного местечка от лишних взглядов.

Пробравшись ко мне, она встала столбом и опустила глаза. Распоряжаться дальнейшим вновь предоставлялось мне – по мнению спутницы ответственному за все, что произошло, происходит и еще когда-либо произойдет. Она назначила меня таким ответственным, искренне считая себя вправе. И ничего не поделать, так ей с детства в мозг вдолбили. Теперь она ждала результатов. Именно я обязан был выкручиваться, а ее дело – сторона, ведь главная часть проблемы решена – виновный во всех нынешних и будущих бедах найден, пусть исправляет ошибки и их последствия, а если сделает плохо, будет наказан. Обычная женская логика, знакомая мне еще по местам, от Каинового племени весьма далеким.

В очередной раз помянув про себя упомянутую логику нехорошими словами, я скомандовал:

– Приступим.

Повернувшись друг к другу спинами, мы одновременно начали процесс.

Надо бы поговорить о чем-то отвлеченном. Хорошая мысль. Правильная. Нужная. Только абсолютно невыполнимая.

Второй раз у нас вышел более спокойным и естественным, если не сказать деликатным. Во всяком случае, не столь зубодробительным, как первый. Любопытно: окажись царица со мной, Томой и Юлианом, когда мы жили в лесу – как повернулись бы события? Четыре фонтана гормонов, из которых лишь один сдерживался ржавым вентилем разума. Да и тот постоянно давал течь. Немного давления на меня, и две парочки вполне могли основать новую человолчью стаю.

Странные мысли, но чем-то влекущие. Еще немало во мне от животного.

Организмам полегчало, и с легким ощущением счастья мы с царицей двинулись дальше. Местность разнообразием не удивляла, что нас радовало. Густая зелень, ниспадающая и восходящая, напоминала пасть хищника-вегетарианца – он ежесекундно проглатывал обидчиков, использовавших его части для эгоистических нужд, но что с ними (то есть, с нами) делать дальше – не знал. Мы пробирались сквозь чащу без приключений. В густом лесу иногда встречались кустистые прогалины, иногда – змеившийся пролесок, переходивший в мелкое редколесье на месте пожарищ. В основном мы прокладывали путь через дремучие дебри, и другой дороги я не хотел – на открытом пространстве нас легко засекут.

Непомерно уставшие, мы уткнулись в очередную стоянку судов. Правильнее будет сказать – в лагерь для экипажей, где можно приготовить горячей еды и поспать в тепле костра на твердой земле. Как на прежних стоянках, здесь кто-то заботливо оставил гору напиленных чурок, которые требовалось лишь расколоть на поленья. Под окружающими деревьями земля была умята и выровнена, осталось набросать ветвей-листьев, и можно ночевать со всеми удобствами.

Солнце клонилось к закату.

– Останавливаемся здесь, – снулым голосом сообщил я.

Марианна, казалось, только и ждала этих слов. Ноги у нее подкосились, оцетинившаяся трава с шипением сломалась под устало рухнувшим телом и, обозлившись, впиалась шелестящей щеткой колючек. Марианна даже не охнула.

Она не могла даже пошевелиться – тупо смотрела, как такая же сомнамбула бродит по округе, собирает хворост и разводит костер. Более серьезные дрова пришлось добыть старым способом – выбрать чурку с трещинами и кидать ее о камни. На это ушли последние силы. Когда огонь благодатно затрещал, я решил не миндальничать:

– Собирай насекомых. И кузнечиков, и муравьев. Будем жарить все, что не убежит. И червей тоже. Будешь их есть, если приготовлю вкусно?

– Буду.

Сначала я направился к реке. Текучий холод обжег сбитые ноги. Наклонившись смывать грязь, я будто получил удар током под дых, открывший второе дыхание:

– Еда!!!

На дне виднелся знакомый темный овал. Беззубка! Пусть не устрица, но для голодных ртов – лучше любой устрицы. И только посмейте кто-то сказать мне про лимон или уксус.

Марианна подключилась к сбору донных раковин. Вскоре набралась небольшая горка. Я с трудом вскрыл одну из раковин с помощью щепки и острого обломка камня. Марианна с сомнением качнула головой:

– Какая-то слизь. Ты уверен, что ее едят?

– Не ее. Надо извлечь крепкий язычок, который, вообще-то, у нее не язык, а нога. Вот. Поджаривай на палочке и ешь.

Каждая раковина давала малюсенький кусочек аппетитно пахнущего мяса. Наестся не получится, нужное количество беззубок в округе просто не водится, но мы перекусили. Взоры повеселели. Я полез делать гнездо – ночевке на земле я инстинктивно не доверял. Подходящее дерево нашлось не рядом, зато с возможностью следить за движением на реке. Царевна наблюдала за работами снизу. Вскоре я пригласил ее наверх:

– Прошу.

Не тут-то было. Могучее сверху, внизу дерево имело ровный высокий ствол, без сноровки не забраться. Пришлось спуститься, чтобы посадить. Бережно обхватив, я начал поднимать...

– Осторожно! Порвешь! Или помнешь!

Женщина, она и в диком лесу женщина. А не человек. Иначе соображала бы по-человечески, а не по-женски.

– А во сне как бы не помнешь?

– Мы что... прямо так будем? – смутилась Марианна.

Совсем недавно ее смущало противоположное. Я даже повеселел:

– Отвыкла?

– К хорошему быстро привыкают.

– А я плохой.

Утверждение почти сразу было опровергнуто действием – присев на корточки, я подставил Марианне плечи.

– Ты хороший. – Она с нескрываемым удовольствием взобралась. – Хороший, который зачем-то притворяется плохим.

– Нет, я плохой, который притворяется хорошим.

– Неправда.

– Ты же меня не знаешь.

– Уже знаю.

– Не знаешь, – упрямо настаивал я, подпирая ладонями обнявшие шею бедра.

– Что же мешает нам узнать друг друга лучше?

Вместо ответа я синхронно-резко разогнул колени и руки. Ахнувшая царевна взлетела к небесам. Я вскарабкался следом.

– Мама говорит, – в укладывавшейся в гнезде напарнице вновь проснулся свойственный женскому полу говорливый инстинкт, – что хорош тот, кто тебя волнует, но еще лучше тот, кто за тебя волнуется. Мне повезло, со мной – лучший.

Я молча укрыл Марианну ветками. Чего скромничать, я сам знаю, что лучший. Как любой для себя любимого. Но когда лучшим признают другие, это греет.

Из лиственного вороха жалобно донеслось:

– Прости. Мне надо... – Марианна взялась за нависшую ветвь, нащупывая, куда наступить.

– Снова? И куда ты полезла? Мы же с этой проблемой разобрались. – Я покачал головой и стал аккуратно разворачиваться лицом к плетеной стенке. – Делай, что нужно, я не смотрю.

В ответ – тишина. Пришлось обернуться: царевна зависла между гнездом и стволом, рукой она держалась за качавшуюся ветвь и балансировала на одной ноге. Ее ошарашенное лицо не сразу вспомнило, что ртом не только удивляются, но и говорят.

– Отсюда?! Как ты это себе представляешь?

– Не представляю, не смотрю и не слушаю. Делай, как хочешь. – Я отвернулся и накрыл ухом рукой.

Моей спины осторожно коснулась ножка Марианны. Что еще надо?! Показать, что ли, примером, что и как?!

Царевна потупилась:

– Это не... – И пауза на полночи.

Ох уж эти женщины. Где благословенные чело­во­лчьи времена, когда не приходилось стесняться никаких естественных позывов, ни маленьких, ни больших?

Я помог Марианне спуститься и сопровождал к кустикам с огромными мясистыми листьями. Через некоторое время, вновь закидывая взгромоздившееся чудо на нужный этаж гостиницы, ладонями я почувствовал жар. Ну, не жар, но у напарницы явно повышена температура. Если заболит...

– Как себя чувствуешь?

– Как человек, которому плюнули в душу.

Новости. Чем это, интересно? Отказом целоваться? Но у меня есть причины, и Марианна их знает.

– Не дерзи, – серьезно пригрозил я.

– А то что?

Действительно, что? Брошу? Не брошу. По заднице надаю? Она только улыбнется, да еще спасибо скажет. Разговаривать с ней не буду? Марианна за двоих справится.

– Плавать не научу.

Попал.

– Прости. – Марианна свернулась на лежанке калачиком, но тут же снова провернулась и вскинула головку: – А если нас завтра убьют?

Серьезный довод. Сработает с любым, у кого вместо воли дырявый мешок хочухек.

– Умру человеком, который не нарушил данного себе слова.

Ответ напарнице понравился.

– Просто в голове не укладывается, – принеслось через минуту, – что обычный поцелуй так дорого стоит.

– Тем ценнее, если.

– Если? – встре­пену­лась она.

– Мое «если» зависит от «с кем», а в этой очереди, извини, тебе пока не забраться на пьедестал.

– Знаю, занято. А на второе место рассчитывать могу?

– Твердо.

– А Тома? – последовало едкое напоминание.

– Я уже говорил: буду с ней, пока мои поиски чем-то не завершатся. А надоедливых не люблю. Учти, со второго места можно легко съехать на последующие.

– Царевнам трудно выслушивать подобные отповеди.

– За то и нравлюсь, наверное.

Листва шумела, не обращая внимания на спрятавшиеся в ней кусочки мироздания, которые вообразили себя взрослыми людьми. В моем понимании взрослый – это тот, кто отвечает за свои слова и, тем более, за поступки, и тот, кто берет на себя ответственность еще за что-то или за кого-то. Я только учился быть взрослым. Я ощущал себя большим, но понимал, что это лишь ощущение, рябь на глубоком озере. Маленькие дети так говорят: «Вот буду большим...» Дальше перечень: буду гулять весь день, буду есть только конфеты и мороженое, буду сутками сидеть за компьютером... Маленький человечек думает, что, став большим, он станет взрослым. Как же мы все ошибаемся.

От большой девочки тихо донеслось:

– Ты слишком прямолинеен. Нельзя говорить с человеком другого пола в таком тоне.

– Взаимно.

Тема иссякла. Мы долго лежали, думая каждый о чем-то своем. Так долго, что я не сразу среагировал, выдираясь из сна. Пальцы перехватили залезшую мне под рубаху руку:

– И не думай!

– Прости. Не хотелось беспокоить.

Беспокоить она не хотела, поганка мелкая. То есть, сознается, что сделала это наяву, сознательно, не в сонном состоянии аффекта.

Счастье, что все оказалось не так, как подумалось.

– Я хотела взять бинт. – На ноге моей спутницы оказалась кровь.

Меня подбросило.

– Что случилось?! Поранилась? Ссадина снова кровоточит? Покажи.

Одной кистью резво разматывая на ноге бывшую оборочку, второй я потянулся к царевне...

– Нет! – Она отшатнулась на край лежанки, отчего хлипкая конструкция опасно закачалась.

– Я же помочь. У тебя кровь!

– Отстань! Чего привязался?!

Это я-то привязался?!

– Как скажешь. – Нарисовав позой обиду, я вновь стал укладываться.

– Прости.

Слезы. Не выношу. Но никто не спрашивает моего мнения – просто плачут. Приходится успокаивать. Вместо слов я применил коронный прием ладошкой по головке – мягкий, ласковый, многократный.

Нокаут! Слезы ударились в позорное бегство. Я приобнял шмыгавшее носом всхлипывавшее создание. Прижавшийся бок почувствовал учащенное сердцебиение.

– Красные дни начались, – последний раз всхныкнула царевна. – Понимаешь?

К сожалению, да. И теперь на несколько дней помимо превратившейся в неадекватного демона партнерши добро пожаловать к нам в компанию мисс Раздражительность, мисс Тревожность, мисс Истеричность, мисс Депрессия, мисс Головная боль, мисс Слабость, мисс Нарушение вкуса, мисс Непереносимость резких запахов, звуков и еще чего в голову стукнет. А также господа Перепады настроения, мистер Психоз и странная пара Сонливость-Бессонница, приходящая поодиночке, но в непредсказуемом порядке.

Отдав все повязки, я отвернулся на время. Когда возня сзади завершилась, на меня глядели полные страдания глаза. Марианна держалась ладонями за низ живота, ее ноги скрючились и коленями тянулись туда же. Все, что я знал по поводу случившегося: ей нужно расслабиться. Мысль – материальна, надо настроиться на положительную волну. Но как?!

– Успокойся, – попытался я голосом понизить дерганную нервозность спутницы. – Все хорошо.

– Ага, тебе хорошо, – огрызнулась она. – Знал бы, как мне сейчас хорошо.

Привет от вышеперечисленной компании. Ладно, зайдем с другой стороны.

– Могу как-то помочь?

– Как?

– Не знаю.

– Вот именно. Не знаешь, а болтаешь.

Я перевел дыхание.

– Но что-то надо делать.

– Что? – ошпарило меня едкой интонацией.

– Сейчас придумаем.

– Придумает он. Волшебник нашелся. Великий придумыватель.

Стоп, Вася, удушение, как и выкидывание за борт, – не выход. Девушка это не специально, это у них от природы, чтоб в остальное время более вменяемыми казаться. Терпи, не ты первый, не ты последний, увы.

– У тебя всегда так или сейчас как-то особенно?

Болезнь со счетов скидывать тоже не стоило. Лучше перестраховаться.

Марианна глухо объяснила:

- Обычная боль: то ударяющая, то тянущая, как всегда, когда начинается.
- Как дома справлялась?
- На живот клали грелку.
- Разве теплое помогает?
- Кровь гонится лучше, внутренние вздерги утихают, боль становится тише.
- Тупо поглазев по сторонам, я ничего не сумел придумать.
- Могу предложить только это.

Царевнина радость от протянутой руки развеяла сомнения. Схватив, как последнюю соломинку, Марианна всунула мою кисть под рубаху и накрыла сверху своими ладонями, а поднятые к груди ноги плотно прижали. Пятерня у меня мгновенно взмокла, вдавившись в нежный живот. Чудотворная мякоть обволокла пальцы, мизинец защекотало, гладкая кожа по всей площади соприкосновения обожгла ощущениями. Сознание завибрировало от неуютности, пришлось бить его крупнокалиберным аргументом: уймись! я помогаю! То есть: гоню кровь, уменьшаю вздерги, утихомириваю боль. Так, кажется. Или не так, но соседке явно полегчало.

Некоторое время мы лежали, не смея шелохнуться. Дыхания медленно, о-очень медленно, но выравнивались. Трели пульсов возвращались к ритмам привычных песенок. Колдовство взрывного соприкосновения прекратило искрить и стало просто греть. Что и требовалось.

Тихо раздалось:

- Тебе удобно?
- А тебе? – спросил я в ответ.
- Мне хорошо.
- Вот и хорошо.
- Я с облегчением прикрыл веки.

Глава 7

Это произошло ночью.

– Тихо! Замри! – Скрутив пытавшуюся перевернуться Марианну в бараний рог, я зажал ей рот. Мы застыли, пристально вглядываясь во тьму.

Очередные бурлаки. Тянут-потянут...

Вытянули. Берег наполнился шумом остановившихся на отдых людей. Несколько воинов с мечами наголо вышли на поляну с кострищем. Ничего нового: бронзовый век в собственном соку. Шлемы – куполом или шляпой, по телу – бронзовые пластинки и чешуя, на ногах – сапоги.

Тлевшие угли не насторожили пришельцев, наоборот, воины удовлетворенно хмыкнули, отходя к запасу чурок, которые осталось только нарубить. Суэта готовки еды выбила покой из леса, как чересчур усердный следователь признание из бомжа.

Как определить, хорошие ли перед нами люди? Мы и сами не очень похожи на достойных бюргеров или селян, чтобы к нам отнеслись непредвзято. Явные беглецы. А беглых либо возвращают хозяевам, либо продают новым. Закон жизни. Той жизни. Давней. В историю которой я каким-то образом попал. Во всех смыслах.

– Никодим, мы по-быстрому или с лёжкой?

Предводитель, плюгавенький сутулый мужичок, покрутил головой, оглядев окрестности.

– По-быстрому, и очень.

Его вытянутое лицо с глубокими морщинами у глаз напоминало кого-то из семейства гиеновых, козлиная борода топорщилась, скудную растительность на щеках и подбородке трепало ветерком. Неприятное лицо заставило меня пока не думать о радостном сошествии и братании.

На правах старшего Никодим уселся у будущего костра, которым только начали заниматься: рубили, поджигали, устанавливали, готовились варить...

Дыша мне в ладонь, Марианна ухитрилась шепнуть:

– Кто?

Я пожал плечами. Сейчас нужно сидеть как мыши в присутствии кота, любой звук – путь на плаху. Или домой. Как повезет.

– Враги?

– Посмотрим. – Я вновь грубо заткнул слишком бойкий рот царевны.

Сквозь листву просматривалось не все, но многое. На ушкурников новоприбывшие не походили. Ладя – большая, торговая, с «чердаком», как в старину назывались закрытые помещения, ныне – каюты. Скорее всего, перед нами – купцы, но какие купцы? Их начальник не вызывал доверия. Так среди крутых бандитов-быков всегда есть мелкий гнида, которого, кажется, плевром перешибешь, а поди ж ты – оказывается великим умищем и серым кардиналом всей кодлы. С его замыслов все начинается, его разводом лохов «по понятиям» все заканчивается. И всегда в его пользу.

Лучше уж подождем следующего трамвая. Или переправимся на плоту, как изначально задумывалось. На самом деле я совершенно не люблю приключения. Теперь.

Марианна подрагивала, сжавшись в комочек. Правильно. Я тоже боюсь.

Купцы-воины ели мясо. Ну не сволочи ли. Я не успевал глотать слюны. Предводитель Никодим послал двоих оглядеться в округе. Вернувшись, бойцы заверили, что все тихо.

– Собираемся. – Никодим поднялся первым.

Кто-то прибежал с деревянным ведром заливать костер, кто-то потащил котел и прочие причиндалы обратно на судно. Никодим пальцем подозвал нескольких воинов:

– И не забудьте того, кто на дереве.

– На каком?!

Кривой палец начальника вытянулся в нашу сторону.

Упс. Вот и вся маскировка.

– Слазь, а то хуже будет! – В нашу сторону направили массу разнообразного оружия.

Сопротивляться нет смысла. Никодим заметил одного, но второму уже не скрыться, и если (то есть, когда) найдут – хуже будет. И разлучаться нам не следовало. Мозг, штурмовавший ситуацию, выстрелил идеей:

– Скажешь, что я твой домашний зверь – застигнутый на полпути в Священный лес человек-волк, теперь безмозглое создание. Если повезет – разыграем ту же карту, что и с пиратами.

– Мелкота! Двое! – доложили принимавшие нас воины нехорошо улыбнувшемуся Никодиму. – Ого, сразу и мальчик, и девочка, и какие смазливые. Удачный день.

Снимая с дерева спускавшуюся царевну, ее глумливо облапали, отчего она вспылила и попыталась вырваться. Пощечина-оплеуха вызвала слезы в непонимающих глазах: за что?! Похотывая, бойцы Никодима толкали Марианну друг к другу, как мячик, откидывали ее защищавшиеся руки, задирали подол.

Вспомнив четвероногость, я не слез с дерева, а полуслетел-полуспрыгнул, проявив былые навыки во всей красе, после чего демонстративно принохался и состроил недовольный оскал.

– Гррр!

Со страшным рыком я ринулся на помощь царевне, намереваясь впиться зубами в бедро ближайшего мужика.

– Что с ним? Юродивый или придушивается? – От меня отшатнулись и постарались пнуть с разных сторон.

– Это мой человек! – звонко объявила Марианна и тут же совершила величайшую глупость, добавив: – Не трогайте его!

Пожалела, комок ей в кашу и пенку в молоко. Не могла сказать: «Осторожнее! Кусается! Взглядом на тот свет отправляет, а слюна у него ядовитая!»

Впрочем, без толку, человек здесь не знали. И тотем у Никодима и его команды, видимо, другой, если вообще имелось что-то святое.

– На суе показывать будем как диво заморское. – Отведя от меня взгляд, Никодим быстро зашагал к берегу. – Ловите, только шкурку не попортите, больно симпатичная.

Несколько человек с веревками окружили меня. Еще двое схватили царевну, заткнули кляпом рот и теперь держали ее, дергавшую ногами в желании помочь – мне, а не себе. Храбрая девчонка, только глупая. Отвага – это смелость, проявленная к месту. Уместность определяется умом и опытом. У Марианны уместность диктовали эмоции.

Внезапно все кончилось, все застыли, как приговоренные на эшафоте, когда нож гильотины уже летит.

– Удачи и здоровья вам, люди добрые, гости дорогие, – раздалось из леса.

– И вам того же. – Никодим остановился между костром и судном, где его застал голос из чащи, и расправил плечи, вглядываясь в тень за листвой.

– Как вам наша земля?

– Благодарствуйте. Чувствуем себя как дома.

– Нет ли какой обиды или неудовольствия?

Голос был пожилой. Одновременно серьезный и настороженный. Умудренный. Владелец такого голоса не станет нарываться зря, но своего не упустит.

– Никак нет, добрые хозяева, все превосходно.

– А дрова? Не сырые?

– Ничуть. Все как надо.

Среди деревьев показалась фигура. Тьма скрывала детали, но в основном все видно: крепкий старик в львиной гриве седых волос, что образовывали внизу сказочную бороду: длин-

ную, белую, пышную. Необъятную. Граф Толстой нервно курит в сторонке, Карл Маркс и всякие Бармалеи рядом не лежали. Если только вымышленный персонаж Дед Мороз... но то – вымышленный. Перед нами стояла летняя копия новогоднего деда – в плетеных лаптях, холщовых штанах и рубаше, подпоясанной расшитым кушаком. Из-за спины старика высовывал свой любопытный нос мелкий постреленок. Видимо, тот самый «гляделец» из разговоров мальчишек. Оружия у «добрых хозяев» не было. На первый взгляд. Впрочем, на второй тоже.

– Если вас все устраивает, то будьте любезны выдать плату за гостеприимство, и можете отдыхать дальше.

– Благодарны хозяевам, извольте получить, что причитается, хотя оставаться, мы, увы, не будем. Дела.

– Вижу, что уже собираетесь, но нехорошо так торопиться. А если бы, не приведи Святой Никола, мы не успели, то что бы вы потом говорили? Как людям в глаза смотрели бы, и что они сказали бы о такой нелюбезности?

Продолжив елеинным тоном, Никодим изо всех сил старался не сорваться:

– Простите нас, мы действительно торопимся. Если б мы вас сейчас не дождались, в следующий раз отблагодарили бы второе.

– Не бывает следующего раза, гости дорогие, сами знаете. Кто это у вас?

Он указал на меня и царевну, удерживаемых дюжими вооруженными молодцами.

– Мы не хотим портить отношений с князем. Приносим свои извинения и, помимо стандартной платы, в подтверждение добрых намерений и долгой дружбы отдаем вам мальчишку. – Укрытый дорогим доспехом Никодим склонился перед лапотным стариком.

– Большой?

– На голову, а в остальном – сами видите. Симпатичный, крепкий. Готовый бойцовый пес.

– Что за девчонка с ним?

– Тоже больная, но... Но это наша девчонка, – непререкаемо закончил Никодим.

Заискрила дуэль взглядов. Злой Никодимовский напоролся на неожиданно могучий стариковский. Застывших в клинче взоров никто не отвел.

Старик вымолвил несколько добродушно, словно за ним в кустах пряталась армия:

– Девочку придется отпустить.

– Она наша.

– Ваша добыча?

– Просто наша.

Руки купцов-воинов потянулись к мечам.

– Если девочка путешествует с кляпом во рту и конвоем, то явно не по своей воле.

– Всяко бывает. Не нужно бы вам лезть в чужие дела. Добыча с вашего берега – ваша. Не спорим. Потому и отдаем мальчишку.

– Девушка тоже не ваша. – Я поднялся с четверенек.

У большинства отвалились челюсти, а от Никодима повеяло смертельным холодом. Отряхнувшись, я пошел к задержавшейся Марианне.

– Ну вот. – Старец удовлетворенно зевнул. – За обман полагается штраф, оставите один меч.

– За меч мы дюжину таких купим! – Вскинутая рука в бронзовых наручах указала на меня.

– Или откажем в гостеприимстве.

Новый раунд бокса взглядов остался за хозяевами леса. Не нокдаун, но победа по очкам. Гости были сильнее, но хозяева – техничнее.

– Согласны, – буркнул командир.

– И девчонку.

– Это слишком!

– Кудряш, расскажи, что видел, – обратился старик к прятавшемуся за ним мальцу.

Тот выставил палец, указав на меня и царевну:

– Первый огонь развели вот эти двое. Я пришел на дым, они уже спали. А вот эти, с челна, – палец Кудряша сдвинулся на вооруженных гостей, – их забрали.

Корабли здесь зовутся челнами, механически отметилось в мозгу. Это лучше, чем корытами. Как в старые времена на моей родине.

– Беглые, видно же! – не выдержал один из купцов. – Законная добыча!

– На нашей земле вся добыча – наша, – окончательно утвердил старец. – Отпускайте, пока я второй меч не потребовал. И буду вправе, сами знаете.

По кивку предводителя захваты ослабли, освобожденная царевна бросилась ко мне с объятиями.

– Ну вот, – довольно улыбнулся старик из глубины усов и бороды. – Все разрешилось. Кудряш, возьми за постой. И штраф.

– Не держите зла, – через силу откланялся Никодим.

– И вы, люди добрые. – Седая борода качнулась в ответном поклоне. – Будете в наших краях еще – заходите, милости просим. Мы люди простые, не злопамятные. Мы – да, а конязь лют. Но о том, что сегодня случилось, мы ему докладывать не будем. Мы друг друга поняли?

Взяв под руки Марианну, судорожно дышавшую после освобождения от кляпа, и меня, старик повел нас вглубь леса. Через миг к нам присоединился Кудряш:

– Дед Пафнутий, вот!

– Неси, – не глядя, отмахнулся дед Пафнутий.

Он перевел колючий пронизательный взор на меня. Я выдержал и выжигание дырок в зрачках, когда через них что-то пыталось всверлиться в мозг и пошарить там, и последующее придиричивое разглядывание всей фигуры в целом. Затем настала очередь царевны.

– Вижу, не беглые. Вообще не наши. С челна? Потопли?

– Ушкурники, – влез я прежде, чем царевна раскрыла рот. – Напали, все забрали, всех положили. Мы одни спаслись.

– Ясно. Сироты, значит. Есть хотите?

Часть 2. Пес, муж, кузнец

Глава 1

В котомке старика нашлось кое-что съедобное. Быстро перекусив, мы двинулись к показавшемуся вдали небольшому поселению. Оно состояло из нескольких домишек и напоминало казачий хутор.

Не совсем хутор. И совсем не казачий. Вместо шашек – мечи, вместо заломленных папах – островерхие шишаки. В общем, богатырская застава. Хотя... Хлипкие мазанки, крытые соломой, окружал тын – забор из тонких жердей. Для защиты от неприятеля такое не годится, но обитатели хутора были военными. Видимо, здесь что-то типа таможни. Я сделал вывод, что времена стоят достаточно мирные, иначе не паслись бы в открытом поле лошади, привязанные к вбитым кольям. Два обитателя заставы вывалились из домишки и вальяжно направились навстречу. Мечи в ножнах, походка вразвалочку, взгляд рассеянный и одновременно прощупывающий – таможня и ГАИ в одном флаконе. Даже животики у бравых воинов наметились почти такие же.

– Вот. – Кудряш передал им собранную с гостей плату.

– Свою часть мы в следующий раз возьмем, – сообщил дед.

Один воин спрятал добычу в мешочек на поясе, второй заинтересованно обошел деда Пафнутия по кругу:

– Старик, да ты помолодел не по годам. Ну-ка сгорбись.

Дед Пафнутий со вздохом выудил из-под рубахи спрятанный за спиной меч.

– Штраф? – Оглядев меч, вояка пристроил его у себя за поясом.

Его напарник укоризненно, но с понимающей улыбкой покачал головой.

– Не хотели платить, – признался дед.

– Кто? – Ребята посерьезнели.

– Новенький, Никодимом кличут, из верхних. Челн у него небольшой, но с чердаком.

Я отметил слово «чердак». В моем мире называли также. Есть ли связь? Если да – какая?

– Разобраться? – спросили вояки-таможенники.

– Не надо. Я вот сиротинушек подобрал. – Пафнутий кивнул на нас. – Никодимовские тоже увезти хотели, но закон-то на нашей стороне.

– А то.

Воины бросили на нас с Марианной ленивые взгляды. Не найдя ни в чем криминала, они вернулись «на службу», то есть под крышу домика, а мы последовали дальше, теперь по наезженной грунтовке. По левой стороне расстилалось возделанное поле, по правой – ухоженные сады с убранным урожаем. Не чета дорогам. Садами здесь занимались всерьез. Один из видов государственного дохода, если верить тому, что слышали от мальчишек и девчонок. Следы людей, коней и телег наползали друг на друга, кое-где зияли ямы. Местами приходилось обходить немалые лужи, оставшиеся после вчерашнего дождя. По сравнению со страной башен здесь дорогам внимания не уделяли. Как и должной охране рубежей.

– Кудряш, – обратился дед к пацаненку, – беги вперед, скажи Немиру, пусть готовит встречу.

Всякий раз, когда лень, привычка и размеренность овладевают каким-нибудь народом, это ему выходит боком. Вышло и нам.

– Бегите, – сорвалось с губ деда, с кряхтением шагавшего рядом и вдруг остановившегося.

Я оглянулся по сторонам:

– Куда?

– Почему? – вскинулась Марианна.

– Поздно, – сказал старик и тяжело опустился наземь.

Из-за развесистых деревьев вышли старые знакомые, в руках – луки, мечи и брыкавшийся Кудряш с зажатым ртом.

– Говорили же тебе, дед, – скучно бросил Никодим, возглавлявший отряд, – не лезь не в свое дело.

Я виновато глядел на царевну. Не будь ее рядом – прорвался бы в сады и был таков, вопреки и невзирая. Но она, царевна, была.

Нас быстро обыскали, связали руки и заткнули рты. Кричать, пока была возможность, я не рискнул. Дед и мальчик не кричали – значит, никто нас здесь не услышит. Рисковать жизнью не стоило.

– Разленились вояки. Не передай они присмотр сельским, уплыл бы не только меч. – Никодим перевел взгляд на нас с Марианной. – Нам это на руку. Старика с мальцом хватятся нескоро.

Позади меня что-то произошло. Внезапная сумятица, вскрик, смачная ругань, стук отпущенной тетивы, снова вскрик. Один из Никодимовских бойцов вынес на обозрение Кудряша. В спине у мальчика торчала стрела.

– Убег бы. Пришлось. – Он равнодушно перевалил трупик через плечо.

По усам и бороде деда Пафнутия покатались слезы. Вытянув вперед связанные руки, он кинулся на убийцу.

Никодим ударил старика мечом по затылку – не острым ребром, а плашмя. Дед Пафнутий завалился вбок.

– Уходим, – сказал Никодим.

Деда попытались поднять.

– А он это, того, – боец показательно скрестил на груди руки, – оочурился.

Никодим ругнулся.

– Тела оставлять нельзя. Старика тоже тащите, здесь должны думать, что он и мальчишка живы и что их куда-то нелегкая занесла.

Он подал знак, и кто-то из команды первым отправился в обратную сторону – бесшумно, незаметно, как опытный разведчик. Убедившись, что все в порядке, за ним так же осторожно, короткими перебежками, последовали остальные. Дважды все надолго залегали, сливаясь с землей. Меня с царевной и трупы несли без церемоний, иногда волокли по земле, чаще перекидывали через плечо или по двое держали на весу за руки и ноги. Пока шли садами, мне и Марианне позволялось идти самостоятельно, нас просто направляли грубыми толчками и постоянно пихали в спины с требованием пошевеливаться. Заставу мы обогнули без проблем, оттуда никто не глядел ни назад, ни по сторонам. Должно быть, там предпочитали, чтобы люди и деньги приходили сами, по главной дороге. После садов отряд оказался в густом лесу, откуда через некоторое время пробрался на берег. Здесь все повеселели.

– Может, по течению назад? – предложил Никодиму мужик, который нес на плече Кудряша.

Несколько человек кивнули. Чувствовалось, что отвечать за гибель мальчика и деда команда желанием не горит. А возможность такого ответа витала в воздухе. Мне вспомнились казненные. Если так наказывают нарушителей порядка вроде наших похитителей, то я двумя руками за такую справедливость. Как говорят аллехвалинцы, если сознательно плюешь на общество – оно обязано ответить тем же, причем так, чтоб другим неповадно было.

– Там нас видели, – не согласился командир. – Когда этих хватятся, мы должны быть далеко и ни при чем. До порогов осталась пара часов тяги.

Нас переправили через высокий борт на занозистую палубу. На поперечине единственной мачты висел свернутый парус, тяжелый и заставивший поежиться: а если сверзится? В

трюм вел прикрытый крышкой широкий лаз, а палубу от начала до конца перечеркивали скамьи с упорами для ног. С обеих сторон к скамьям прилагалось по закрепленному в уключинах веслу, каждое в прошлой жизни было высоким деревом. С мачты спускались канаты непонятного назначения. Пахло сыростью.

Нас кинули на палубу, словно мы были дровами. Трупы Никодимовская братва завалила камнями на дне реки – не найти, если не знать, где искать. Когда все было готово, команда в несколько рывков столкнула судно на воду и взялась за канаты, тянувшиеся с борта челна. Пристраивая лямку через плечо, кто-то ныл:

– И чего не дадут голытьбе подработать? Прежний конязь разрешал.

– Тянем сами, а поборы почти не изменились, – поддержал еще кто-то.

Им ответил другой, более старый голос:

– Бурлаки не носили оружия, им было запрещено, и однажды кто-то увез работяг. Теперь тут с этим строго.

На борту осталось двое – Никодим и еще один, которого я определил как главного помощника.

– Товар или развлечение? – Никодим указал помощнику на царевну. – Проверь.

Тот полез к ней руками. Марианна дергалась, вертелась, пиналась и мычала. После непродолжительной борьбы, для царевны заранее обреченной на поражение, помощник обернулся к главарю:

– Женские неприятности.

– Тогда прячь, глянем потом.

Из-под ног сидевшего с рулевым веслом Никодима помощник снял подставочку и вынул из палубы несколько досок. Под ними оказалась пустота глубиной в пару ладоней – типичное второе дно для контрабанды. Во тьме виднелись спрятанные там мешки. Меня с Марианной впихнули в подпалубное пространство, сверху накрыли досками. Над лицами осталось по дырочке для дыхания.

Нет, я рано обрадовался, отверстия оказались технологическими, в них крепилась подставка. Когда ее водрузили на место, в дырки вошло по острому штырю, направленному мне и Марианне прямо в лоб. Если начнем рыпаться, мычать и подавать другие признаки жизни, кому-то на палубе достаточно наступить на скамеечку, и штыри пробьют черепа.

Я проиграл. Проиграл все: жизнь, надежду, мечту. Журавля в небе и синицу в руках. И не одну. А одну подвел, не сумев защитить. Какой же я мужчина после того, что случилось? Мужчины побеждают. Проигрывают много думающие о себе существа, которые относят себя к мужчинам исключительно из-за наличия ничем не подкрепленного самомнения и болтающихся штучек в штанах. Пусть даже в юбках. Или в одних рубашках, если учесть местную специфику. Передо мной встал выбор: погибнуть героем или жить побитым псом. Будь я один, второй вариант тоже имел бы право на существование, хотя бы теоретическое. В зависимости от. Никто не хочет умереть, особенно, если зря. Но я не один, в этом все дело.

Под кожу вполз ядовитый холодок страха. Тьма угнетала, давила, расплющивала. Не тьма – чернота. Абсолютная. Везде. Вокруг и в мыслях. Мир сузился до единственной мысли и превратился в ощущения. Только слух и осязание. Стук и шаги. Перекрикивание команды, тянувшей судно вдоль берега. Бок прижатой ко мне царевны. Болтанка от мелкого волнения у берега. Внутричерепное бичевание себя за нерасторопность.

Час. Как минимум. Час длиной в жизнь. И ценой в жизнь. Почему мы не ринулись под укрытие ветвей по первому слову старика?

Теперь просто ждать.

Прошел еще час. И еще одна жизнь.

– Пройдем ли досмотр? Все напряжены, надо бы отдохнуть, – просочился сквозь доски тихий голос помощника.

– Всегда проходили. Всем молчать, говорю только я.

После слов Никодима раздался жуткий скрип. С берега донеслись чужие голоса, борт легко ударился обо что-то мягкое, судно остановилось.

– Встать! – прилетел отчетливый приказ чужих.

В ответ – гневный выкрик Никодима:

– Я капитан. Делайте свое дело и проваливайте.

– Напоминаем, что невыполнение приказа приравнивается к сопротивлению.

Теперь я знаю, что чувствуют приговоренные, перед которыми забрезжила возможность помилования. Чернота мыслей схлынула, породив обычную ночь, после которой бывает утро. Второе дыхание. Второе рождение.

Марианна тоже вздрогнула, ее ноги теснее прижались к моим ногам. Наверху решалась наша судьба. Мы вслушивались. Каждый звук взметал и гасил надежды.

Хруст киля по донному песку.

Скрип досок над нами.

Поскребывание сапога Никодима о смертельную для нас скамейку.

Деревянный визг штыря об отверстие. Туда-сюда. На полсантиметра, в пределах зазора. Нам не вывернуться, вокруг – мешки. Плечо Марианны потерлось о мое плечо. Последняя земляничка Хрисанфии. Куда там какому-то поцелую до эмоциональной мощи случившегося касания.

Впрочем... Сейчас, с направленным в лоб острием, мне вдруг до смерти захотелось поцеловать Марианну.

Нет. Не Марианну. Совсем не Марианну.

– Всем сойти на берег!

– Нет такого закона! – Никодим, кажется, понял, что что-то пошло не так. Даже мы поняли. Интонация, в которой плескалось отчаянье, сказала больше слов.

– Есть возражения? – принеслось с берега.

– Иду. – Нога над нами пошатала скамейку.

Если наступит...

Ау, Вселенная: мысленная фраза «захотелось поцеловать до смерти» не была адекватным, четко сформулированным желанием! Ты слышишь?! Я утрировал! Я пошутил!

Только бы мне не пошутили в ответ.

Шаги переместились на край палубы. Моим выступившим на лбу потом можно было мыть палубу, и еще осталось бы на стирку и полоскание паруса. Сознание стало пунктирным, воспринимая жизнь рваными клочками.

Шум. Возмущение. Ругань. Через полжизни – новые шаги. Несколько человек. Стук дерева о дерево. Частый. Нескончаемый. Приближающийся. Простукивание палубы завершилось прямо над нами. Осторожное вытягивание скамейки...

Свет! В оба отверстия. Скосив глаза, я встретился со взглядом Марианны. Она плакала.

Доску, исполнявшую роль крышки гроба, вытянули вверх.

– Вот они где.

Над нами нависли несколько былинных богатырей в шишаках и пластинчатых доспехах – для качественных кольчуг нужно железо, а здесь, как и везде вокруг, процветал бронзовый век. Мечи – широкие, короткие, предназначенные рубить, а не колоть. Сапоги – высокие, вплоть до защитных наколенников. Щитов нет. Впрочем, не было их только у вытащивших нас из тесной щели. У тех, кто выстроился на берегу, было все: и щиты, и копыя, и луки. Команду Никодима скрутили и уложили мордами в землю. У меня и Марианны вытащили кляпы.

– Где старик?

– Убит. – Отвечать взялся я, и быстро, поскольку Марианна тоже открыла рот. Я одернул ее за рубашку. Мы в мужском мире, пусть привыкает. – И мальчик убит.

– Их притопили прямо на стоянке, – все-таки влезла царевна. – Под камнями.

Один из стражей пнул сапогом по деревянной лавке и, как мне показалось, даже не заметил. Он смотрел на берег, на связанных. О чем он думал, читалось на лице.

– Они? – Рука в бронзовом наруче указала на никодимовцев.

Мы с Марианной синхронно кивнули.

– Донесение коняжу уже отправили, – громко сообщил один из солдат.

Никодим доставил нас немного дальше страны башен, за поворот реки, в места, невидимые с земель Западной границы из-за неприступных гор. До противоположного берега, куда мы с Марианной стремились, отсюда рукой подать. Мы находились в самом узком месте реки, в стране башен известной как Большая вода. Челн стоял пришвартованным к каменистому отвесному берегу протоки с могучим течением. На другой стороне реки высилась неприступная скала, ее часть в середине обрушилась, и река оказалась частично перегороженной. Основная часть воды промыла себе путь под камнями, а для судоходства осталась бурливая протока с порогами. Здесь, на излучине, где река плавно изгибалась между неприступной каменной громадой по той стороне и предгорными холмами по этой, располагалась застава – пограничная или таможенная, или одно в другом. На холме скалилась щербинками бойниц бревенчатая крепость, ее стены охраняли часовые. Незамеченными вдоль берега не пройти. Чтобы сплавиться с Марианной вниз по течению к оставленному лагерю на Западной границе, я должен был привести ее примерно сюда. Прямо в руки стражей реки. Получается, что, похитив нас, Никодим спас от смерти? Солдаты из возможных врагов превратились в спасителей. Бывает же.

Но благодарности к захватчикам я не испытывал. Душа ликовала, когда их, одного за другим, под конвоем повели по холму вверх, в крепость. За высокой стеной виднелись верхушки строений. Снаружи на стене висели привязанные бочки, скорее всего с чем-то горючим внутри. Отвязать – и покатаются прямиком на протоку, если кто-то рискнет прорваться с боем. А если ниже по реке стоит еще одна такая же крепостенка, то середину можно считать внутренним морем. Никто не пройдет без спроса.

Нас развязали и по деревянному настилу свели на берег. Вода с ревом мчалась сквозь узкий проход между каменных стен, судно удерживалось на месте только канатами. Его оттащили немного назад, чтобы не мешать спускавшемуся по течению новому кораблю. Часть стражников заняла место для встречи следующих гостей, остальные сначала простучали каждую доску челна и вскрыли каждый мешок, затем повели меня и Марианну вверх по склону холма вслед за никодимовцами.

За открытыми настежь воротами крепости глазам открылось нечто вроде внутренностей однажды посещенного со школьной экскурсией Раифовского монастыря, единственного в мире, как мне сказали, обители молчаливых лягушек. Возможно, в других монастырях так же, не знаю, я был только в одном. Разница в том, что здесь, в крепости, все строения были деревянными и размером поменьше.

Сопровождавшие меня и Марианну воины передали нас стражу у ворот, вскочили на коней и умчались куда-то, прищипывая четвероногий транспорт и подгоняя его задорными криками.

– Я – Вешняк, – сообщил рослый плотный страж с искренней улыбкой до ушей.

От него, большого и жизнерадостного, исходило спокойствие, о котором мы так долго мечтали. Чувствовалось, как моя спутница тает под участливым, почти отеческим взглядом.

Теперь Вешняк ждал, чтобы назвались мы.

Резко отстраненная царевна вскинула на меня гневный взор, в ответ ей прилетел щипок в мягкое место. Говорить и решать за женщину должен мужчина.

– Марьяна и Ва... ня. – В последний момент я передумал с именем. Во избежание.

А спутнице пора бы уже понимать, где мы находимся, и держать рот закрытым, когда мужчины разговаривают. И не расслабляться. Рано еще. Если вообще когда-то не рано.

– Полюбовнички?

Судя по тону, Вешняк не имел ничего против, его глаза смеялись – по-доброму. Наверное, слово «полюбовнички» здесь передает смысл, не имея обидного оттенка, но мы с царевной покрылись краской.

– Брат и сестра, – глухо сообщил я.

– Не похожи. Ну, мое дело вас принять и разместить, а родственники вы или еще нет, покажет время. Пойдемте. – Вешняк двинулся в сторону соседнего домишки, откуда чудесно пахло. – Издалека?

Вместо ответа у меня вырвался горестный вздох. Издалека, и даже не представить насколько. Это в отношении меня, а насчет царевны и ее титула тоже помолчим, и тоже во избежание.

– Покормите мальцов, – громко распорядился Вешняк.

Помещение оказалось столовой. Страж усадил нас на скамью около длинного стола и вышел наружу. Донесся шепот Марианны:

– Почему не говоришь, что мы с той стороны? Здесь хорошие люди. Нас переправят через Большую воду, и все кончится.

– Ты еще выкуп предложи и представься по полной программе.

– И предложу, и представлюсь!

– Сейчас местные к вашему берегу боятся приблизиться, а если услышат про выкуп, начнут охотиться на вас как на волков. Твою семью, как ближайшего соседа, уничтожат одной из первых. Впрочем, благодаря выкупам, не сразу. И еще. У вас уничтожают прибывших чертей, не разбираясь, хорошие они или плохие. Почему?

– Черти несут угрозу стабильности!

– А для местных любой, кто прибыл с той стороны реки – это еще большая угроза, потому что угроза близкая и хорошо известная.

Заметив движение, мы умолкли.

На стол подавал толстый бородач, скорее всего повар. Кто еще будет ходить в замызганном переднике и нахлобученном колпаке? Кормили здесь кашей... с мясом. Нет, не так. Вот так:

С МЯСОМ!!!

Марианна содрогнулась, подавляя рвотный рефлекс.

– Это...

– Отдай мне.

Жирный кусок перекидывал из ее миски в мою.

– Почему девочка не хочет мяса? – насторожился повар. – У нас все отменное, козлика только с утра закололи.

– Потому что больная, – брякнул я первое, что пришло на ум. Гм. А правильно ли поймут? Болезни бывают разные, от некоторых избавляются вместе с их носителями. – Э-э... желудок с детства мяса не принимает.

– А я грешным делом подумал, что вы из Каинова племени, даже рука за мечом потянулась. – Запанибратское подмигивание показало, что повар так шутит.

Добрые у него шутки. Если здесь все столь же добрые...

Марианна глядела с ужасом и абсолютным непониманием. Главное, она молчала, и я мысленно перекрестился, а губы вылепили беззвучное «Алле хвала». Когда мозг соотнес эти два бездумно совершенных действия, захотелось улыбнуться, но что-то внутри не дало. Пусть все идет, как идет. Под какой бы крышей ни работал мой ангел-хранитель, со своей ролью он успешно справлялся, и не нужно сбивать его с толку лишним философствованием. С волками жить – по-волчьи выть, закон джунглей.

Мысли повара поменяли направление.

– Пятнадцать есть? – Облокотившись о тесаную столешницу, он пристально глядел на Марианну.

Ответил я:

– Почти, но еще нет.

– Красивая невеста растет. Сыну шестнадцать, а ничего подходящего не нашли. Сколько просите? Я хоть и трапезник, а человек небедный. Как с отцом связаться?

– Мы, – я переглянулся с окаменевшей царевной, – сироты. Родители... утонули.

– Теперь ты за нее отвечаешь? Ваней зовут? Никому, Вань, девку не отдавай, срок придет, я тебя найду. Не обижу.

Трапезник еще раз масляно подмигнул и отошел. Компот нам принес поваренок, копия толстого повара, только на щеках и подбородке вместо бороды торчал светлый пух. Зуб даю – упомянутый сын, отправлен на смотрины. Вскоре из-за ширмочки донесся разговор отца с сыном. Старший толстяк даже не пытался приглушить громкость голоса:

– На днях опять ушкурники чудили, эти, должно, с пощипанного челна. Хороша девка, верно?

На вопрос сынок не ответил. Во всяком случае, вслух.

Через минуту раздался его интересующийся голос:

– Не понимаю, почему конязь ушкурников не приструнит? Зачем, вообще, их пускает?

– У нас договор: мы не трогаем их, они нас. У них вода, у нас земля, у каждого свой способ заработка. В наших водах они платят десятину и дают народу заработать на услугах. Не будь ушкурников, твой дядя давно пошел бы по миру.

В дверях вновь появился Вешняк.

– Вань, сестрица уже на ручки просится. Нет привычки? – Задумчиво пожевывая нижнюю губу, он глядел куда-то в район лавки под царевной.

Марианна вспыхнула, ее подогнутые под себя ноги мигом опустились вниз:

– У вас пол очень занозистый.

– Увы, сафьяновых сапожек предложить не могу. – Присев рядом со мной, Вешняк посе-
резнел, обращенный ко мне голос обрел деловитость: – Выкуп за вас кто внесет? Через кого, куда и кому весть передать?

– Нет у нас теперь никого. Потопли.

– Родителей... ушкурники?

Я кивнул, под столом наступив на холодную ступню Марианны. Наша судьба зависела от каждого слова. Говорить должен только я, иначе мы запутаемся, а итогом будут тела на кольях. Картинка гниющих трупов до сих пор стояла перед глазами.

Последняя возможность сказать правду и быть переправленными за реку, пусть за выкуп, только что была мной уничтожена. Меня напрягла и заставила прикусить язык аналогия с чер-
тями, Марианну – облеченная в шутку необъяснимая ярость толстяка. Если вскрыется правда о нас, то вряд ли кто-то отправится передавать весть. Я умирать не торопился, поэтому выбрал путь лжи во спасение. Царевна, конечно, грезилась о доме, но мою компанию покидать не соби-
ралась. Судьба совершила новый поворот, мы оба это поняли. Наши ладони нашли друг друга и крепко сжали.

После еды нас отвели в грубо сколоченную уборную, где Марианна, пунцовая от стыда, через меня попросила новых тряпочек на полоски.

Вешняк встревожился:

– Ранена?

– Нет. – Я опустил глаза.

– А-а, налог на взрослость. – Из поясного мешочка он достал некое подобие бинта. – Держи. Подойдет?

Я передал тканевый рулончик сквозь щель в кособокой дверце.

Вешняка вызвали на ворота, но сначала он довел нас до дверей добротного бревенчатого сарая с копной сена внутри.

– Отдыхайте, ребята. Тяжко вам пришлось, но все плохое уже позади.

Позади? Как же, размечтались.

Снаружи темно, значит, здесь, на сеновале, мы проведем всю ночь. Я уверен: когда временно требовалась тюрьма, преступников приводили сюда же. При всем желании не бежишь. После того как дверь закрыли на засов, снаружи кто-то ходил – можно спать спокойно, чужие не нападут. Насчет своих неизвестно. Причем, неизвестно вообще ничего. За улыбкой, как известно, прячутся зубы.

В глазах царевны встал вопрос: как будем спать?

– Завтра будем выглядеть, словно по нам кони топтались. – Она огладила одежду ладошкой.

– Пусть лучше одежду помнем, – туманно объявил я, падая в пахнувший прелым ворох.

Марианна чинно присела, свела колени и обняла их руками. Сверху уютно расположился подбородок. Взгляд же оказался совсем неудобным:

– Ты ел мясо!

– И мы живы. Тебе не кажется, что два эти факта как-то взаимосвязаны?

– Но мясо... это плоть!

– Овощи тоже плоть, пусть и немножко другая. Кузнечиков ела? Ела. И улиток. И вообще.

– Только от голода.

– Вот и я только. И чтобы нас спасти. Ради выживания еще не то съем. И тебе советую.

А по возвращении совсем не нужно всем рассказывать, каким образом мы выжили.

– Но Алла, да простит Она нас и примет, заповедала...

– Давно хотелось спросить: ты действительно веришь, что все это, – я совершил рукой круг в воздухе, – сотворила Алла? Гм, да простит и примет.

Последнее пришлось прибавить из-за выражения лица царевны, ужас на котором с каждой секундой паузы возрастал в геометрической прогрессии.

Однажды Зарина всухую переспорила меня на тему Аллы. Задним числом я подобрал аргументы, учел контраргументы...

– Имя Аллы нельзя говорить без добавочной формулы? – уточнил я на всякий случай.

– Только обращаясь к ней лично.

Воображение разыгралось, и не сразу дошло, что речь идет о молитве. Что бы ни говорили, а богатая фантазия – не всегда хорошо.

– Сомневаешься в существовании высших сил? – На мне остановился задумчивый взор.

– Скажи, если Алла всемогуща, она сможет сделать треугольный квадрат?

– За такие слова можно в ад...

– За слова? А мысли, по-твоему, высшим силам неподвластны? Однажды я слышал разговор. «Попадешь в ад!» – сказал один. «Вы уверены? А кто там?» – «Такие, как ты!» Второй на минуту задумался. «А в раю такие как вы? Вам нужно поработать над своими угрозами».

Царевна потеряла дар речи.

Я резко сменил тему:

– Знаешь, в детстве я разговаривал с домовым.

– Домовых не бывает. Сестрисса рассказывала, что во времена ложных пророков люди верили даже в божественность ветра или деревьев. А мама говорит, что худшее из суеверий – верить в них.

– Я тоже так говорю, потому полностью согласен с твоей мамой. Кстати, вот еще о домовых и прочей суеверности. – Я обратился лицом ввысь. – Алла-всеприсутствующая, невидимая и неслышимая, избавь наших родных и близких от воображаемых друзей!

Марианна не поняла юмора, и к лучшему.

– Ты ведь несерьезно говоришь о своих сомнениях?

– Естественно, – успокоил я напарницу, с которой, как понимаю, еще не одним пудом соли вместе давиться.

И ведь не соврал. Это не сомнения, это уверенность. Даже вера. Царевна верит в то, что великая Алла есть, я в то, что конкретно ее – всемогущей Аллы – нет. Тоже своего рода вера.

Впрочем, нет. Отрицание чужой выдумки – не вера. Иначе лысина – это прическа, а книги – печное топливо.

Марианну к тому времени волновало другое:

– Как думаешь, сафьян – страшный зверь?

Я подавился смешком:

– С чего ты взяла, что он – зверь?

– Вешняк говорил про сапоги. У нас их делают из лошадей и волков.

– Сафьян – это такой материал, тоже кожа, но мягкая и ярко окрашенная. И чему вас только в школе учат?

Вопрос был иронически-риторическим, но Марианна взялась перечислять:

– Чтению, счету, политике, религии, физике, защите, выживанию... А вас?

– Тоже физике, куда ж без нее. И прочему. Что вы проходите по физике?

– Проходим? Нет, мы больше бегаем, занимаемся, делаем упражнения. Сейчас покажу.

Она завозилась, приподнимая куцую одежонку, и без особого напряжения села на шпагат. Разъехавшиеся в несусветную даль ступни исчезли в разворошенном сене.

Круто. Но не для меня после стаи. Легко разведя ноги, я аналогично примостился рядом.

Кое-чего я не учел, о чем, оказывается, стоило подумать прежде, чем совершать резкие движения.

– Колется, – смущенно сообщил я.

– Ага, – со смешком кивнула Марианна. – Солома все-таки.

Мы медленно, цепляясь ногами, расползлись в стороны.

Две живые параллели недолго пролежали неподвижно. То локоть, то коленка, то случайно (ли?) откинута рука натыкались на соседа и с извинениями отскакивали обратно. Как шарик в пинг-понге. Ход переходил к сопернику, и ждать его, ответного, приходилось недолго. Взгляд-«шарик» то увязал в «сетке» временно повернувшейся спины, то отлетал от «удара» вскинутого встречного взгляда. Иногда при такой встрече он замирал в опасном предчувствии и, через миг, распадался на взбудораженные половинки. Они убегали в себя, но надежды, прятанной внутри, увы, не теряли.

Надежда, говорят, умирает последней. Сказки, господа присяжные заседатели. Последними в человеке умирают клетки эпителия, которые производят волосы и ногти. И это грустно. Куда ни плюнь, везде во главе оказывается физиология.

Здесь та же ерунда. Нас тянуло друг к другу. Меня толкали гормоны, напарницу тоже что-то такое. Или не такое. Кто их знает, этих девчонок, и что и на что их толкает.

Перед закрывшимися глазами в подробностях проплыл минувший день. И предыдущий, не менее насыщенный. В мыслях я проживал их совсем по-другому. Вводя сослагательное наклонение, представлял в разных вариантах. Всегда ли я был прав? Не лучше ли было...

Какая разница. Я сделал все так, как должен. Точка.

На лоб и нос упали щекочущие соломинки. Затем полетело еще, как из включенной газонкосилки – это Марианна вновь устраивалась в раздвигаемом приминаемом сене. Наконец, она улеглась окончательно, отгородившись от меня скрючившейся спиной, руками обхватив низ живота и прижав их коленками, подтянутыми до самой груди.

– Болит?

– Немножко.

Ну-ну. А корежит ее так, будто множко.

Не сумев отказаться от очередного удачного совмещения благородного и истинного мотивов, я повернулся к царевне и обнял сзади.

Мы долго лежали, слушая стук сердец.

– Знаешь, – нарушил тишину нежный голос, – у тебя врачевательский талант.

– Мама говорила: не зарывай талант в землю, не губи природу.

– Мамы плохого не посоветуют. – Непонятно, отреагировала она подобным образом на шутку или, думая о своем, пропустила мимо ушей. Оказалось, второе. – Не сочтешь покусением на нравственность просьбу еще раз помочь уменьшить боль?

Милые, милые грабли.

– Давай попозже. Ты засыпай, а я потом положу.

И ведь хочется наступить, и поговорку про увязший коготок помню.

– Понятно. Отсрочка – надежнейшая форма отказа.

Понятно? Ни черта тебе, милочка, не понятно. Если девушка говорит «Понятно», значит, не поняла, но понапридумывала себе тако-о-ого...

Вздохнув, я переместил ладонь с плеча соседки на ее живот. Она радостно ухватилась, подол взлетел чуть ли не до груди, вжатая в мягкое пятерня вновь обрела благодарное будоражащее наполнение.

Организм заволновался.

– Есть люди уютные, как дом, – донеслось едва слышно. – Прижмешься и понимаешь: ты дома. Ты такой.

Я не ответил.

– Ты хотел бы меня еще раз поцеловать, – раздалось очередное, вполне ожидаемое, – по настоящему? Нет-нет, ни в коем случае не предлагаю, просто спрашиваю. Теоретически. Как возможность. Даже как вероятность.

Ну что делать с неугомонным созданием?

– Честно?

В ответ – полная оптимизма улыбка бродячей собаки, застрявшей в ступоре от непонимания, что ее вскорости ждет: то ли пинок, то ли косточка.

– Да, – сказал я.

Ударило тишиной. И, через вечность:

– Я тоже.

Мое молчание и старательно-ровное дыхание намекали, что разговор завершен. Любопытство удовлетворено? Спокойной ночи.

Не тут-то было.

– Чего же мы ждем?

– Когда рак на горе свистнет.

– Кто-кто?

– Турук Макто!

– А это кто?

– Никто. Зактокала.

Обидеть не получилось. Повыбрав между обидой и прочими чувствами, царевна тихонько толкнула меня в бедро:

– Ты же не спишь.

– Но очень хочу.

– Ты сказал, что хочешь меня поцеловать. Как мне кажется, более спокойной и счастливой возможности не будет. Возможно, никогда не будет.

– Я тебя уже целовал. – От скрежета моих зубов перевернулись черви в земле. – И на бревне перед местными, и прошлой ночью, и раньше, когда Варвара устроила бардак с двумя обнимавшимися кругами.

– Там ты меня даже не помнишь. Какой я была по счету, в каком кругу? Молчишь? Ты даже не знал, что есть какая-то Марианна – тихая, неприметная, тогда еще абсолютная безымяшка. А прошлой ночью... – Глухой томный голос необъяснимо съёжился и потускнел. – Простой ночью ты был не со мной. Даже вспоминать не хочу. А вот на бревне...

Боже, хоть бы эта пауза продлилась вечно!

Нет, вспоминая с закрытыми глазами царевна продолжила пытку искушением:

– На бревне ты был искренним. Не играл роль.

– Ты видела, как я целовал Майю на дереве?

Понуро упало:

– И что?

– Там я тоже был искренним.

– Ты думал, что жизнь закончена.

– А сейчас у нас все впереди.

– Обещаешь?

– Что?

– Что у нас с тобой все впереди.

Вот так и попадают в ловушки люди слова.

– Столько всего пережили, – пробурчал я. – Коню понятно, что впереди нас ждет не меньше. Однозначно. У нас будет не все, но много, а много – это немало. Не раскручивай меня на то, к чему я не готов... внутренне. Будет только хуже.

– Думаешь, еще один поцелуй что-то изменит в наших отношениях?

– А ты думаешь – нет?

Я выдернул руку и отвернулся. И больше не поворачивался.

Глава 2

Уехавший из крепости отряд вернулся к утру. Нас разбудили, накормили и под присмотром Вешняка вывели перед неровным строем солдат. Во дворе ржали лошади, с них сгружали тела Пафнутия и Кудряша. Один из воинов ссадил сидевшую перед ним девочку, возрастом чуть старше покойного мальчика и похожую на него. Пухленькая, светленькая лицом и темненькая цветом ниспадавшей за спину длинной косы, она была одета в такой же, как у нас с Марианной, балахонистый сарафан без рукавов и пояса. Как понимаю, это местная детско-подростковая одежда, вроде лоскута-пончо долинников. Обувь отсутствовала. Насупившись, девочка спряталась за солдат, ее маленькие, узко посаженные глазки не отрываясь глядели на нас. Донеслись тихие переговоры Вешняка с прибывшими:

– Когда будет конязь?

– Сказано, что едет. А насчет этих... – Несколько взглядов переместились на нас, стоявших перед всеми как экспонаты на выставке. – Мальчишки их тоже встречали. Точно, брат и сестра. Только имя перепутали, говорят, что вроде бы Васей кликали. Напутали. Что Вася, что Ваня, один крен – в старину. Девки тоже видели. Ухмылялись и намекали, что брат с сестрой такими вещами, вообще-то, не занимаются.

– Какими?

– Гольшом по лесу не бродят, от людей не прячутся. Мальчишки тоже сказали, что у парочки из одежды была только повязка у братца.

Озадаченный Вешняк оглянулся на меня:

– Вань, проясни-ка ситуацию.

Четверо воинов на всякий случай взяли нас в кольцо. Командир приблизился, его кисть с намеком потерла рукоять меча.

– На нас ушкурники напали. Ночью. – По сочинениям у меня всегда была пятерка. – В каком виде спали, в том и сползли потихоньку в воду с противоположного борта.

Что-то я ляпнул не то. Воины задумчиво переглядывались, командир вскинул бровь:

– Спите без одежды?

Доверием даже не пахло. Вчерашнее доброжелательство как корова слизала, лица на нас смотрели злые, суровые.

От Марианны полыхнуло жаром, щеки пошли пятнами.

– Если жарко, то да, – поспешно объяснил я.

– И вся команда так?

Воины ухмыльнулись, но напряжение только усилилось.

– Мы спали отдельно от команды, закутанными в простыни. Нас разбудили и помогли перебраться через борт. В воде простыни пришлось бросить.

– Сынок, сказки будешь рассказывать сестричке или кто она тебе там. На палубе холодно, потому что, во-первых, река, во-вторых, ночь, в третьих, декабрь. Слова о жаре можешь вставить себе...

– Нас везли в трюме... в чердаке. – Слово вспомнилось вовремя и прозвучало вроде бы правильно, вопросов не возникло. – Всю семью. Мы... беженцы.

Солдаты скривили губы:

– И здесь они. Скоро все заплонят. Чертова дикая империя. Не мучь мальцов, Глазун, им и так досталось.

Гроза прошла мимо. Командир, названный Глазуном, поинтересовался вполне добродушно:

– Вам сколько годков?

– Четырнадцать! – помня слова толстяка о браке с пятнадцати, выдохнула Марианна.

– И мне.

Царевна покосилась на меня, с удовольствием поняв, что я не хочу жениться и не смогу, даже если предложат или заставят.

– Близнецы, что ли? – сопоставил Глазун полученные факты.

– Двойняшки.

– А не похожи.

– У нас разные отцы, – влезла царевна.

Еще пихнулась в ответ на мой щипок. Ее глаза гневно зыркнули: тупым солдафонам объясняю очевидное!

При первой возможности нужно провести ликбез: что можно говорить, а чего вообще не касаться. Впрочем, в мужском мире царевне лучше вообще зашить рот, а еще лучше зашить вообще все, и я буду спокоен: до нашего возвращения с подопечной ничего не случится.

Глазун ехидно переглянулся со своими: обычно такую информацию не разбалтывают направо и налево, это семейный секрет, но что взять с глупой девчонки.

Марианна ничего не поняла.

– Конязь! – громко разнеслось со стены крепости.

Что такое цунами по сравнению с приездом начальства? Всех смело, как гигантской волной, но разбросало строго по рабочим местам. Вешняк унесся к воротам, всадники – к оставленным коням. О нас словно бы забыли.

Не забыли. Сзади приблизился хмурый богатырь с мечом наголо:

– Стойте где стоите. Конязя приветствовать поклоном, любое резкое движение приравнивается к нападению, если вас о чем-то спросят – отвечать по делу и не шевелиться.

Свита местного начальника состояла из десятка дружинников. Упакованы они были не хуже заречных царберов: доспехи блестели начищенным металлом, на шлемах распушили хвосты плюмажи неизвестного происхождения, коней покрывали попоны в сине-белых тонах. Точнее, синие с белой каймой. Так же была раскрашена накидка конязя. Гром конского топота смешивался с лязгом бронзы – словно котов увешали консервными банками и подожгли хвосты, только коты были размером с гиппопотамов.

Пока спешившийся конязь принимал здравницы и шествовал мимо, доносились обрывки доклада:

– Ушкурники на двух челнах ночью купчиков прищучили, те по дурости или недосмотру после заставы взяли правее и на мель напоролись. Двух подростков снесло на нашу сторону, гляделец передал. Специально искать не стали, они сами шли вдоль берега напрямиком на верхнюю заставу. За тот участок отвечали Зырянковские. Дед из Немирова семейства отправился за платой, а гости оказались с норовом. За мальцом-глядельцем дед предусмотрительно поставил следить девчонку, – взмах головы указал на малявку, давно потерявшую интерес ко мне и Марианне и жадно разглядывавшую конязя, – с наказом, чтобы смотрела издали и ни в коем случае не приближалась. Зареванная девка примчалась на пост, те известили вас и вовремя успели к нам.

Начальство и сопровождающие удалились в прочное строение, куда вчера поместили команду Никодима.

Две фразы меня просто убили: «Подростков снесло на нашу сторону, гляделец передал» и «Специально искать не стали, они сами шли напрямиком на верхнюю заставу». А мне казалось, что мы (в первую очередь – непогрешимо-самоуверенный я) такие умные, пересекли пограничную зону никем не замеченными. Еще плот собирались строить. Мне стыдно было смотреть царевне в глаза. Красная от пяток до ушей, она в мою сторону не глядела, видимо, вспоминая, в каком виде мы бродили по побережью и что делали.

Через минуту в крепости началась беготня. К реке унеслось несколько человек, застучали топоры. Дружинники и воины выстроились ровными рядами, неподалеку от нас встал

сам конязь, придиричиво наблюдавший за окончанием работ. На нас высокое начальство едва взглянуло. Широкий в груди и плечах рослый конязь внушал почтение и трепет, про таких говорят «человек на своем месте». Местный властитель отличался сурово-мужественной внешностью, пронзительным потрошащим взглядом и лицом много повидавшего человека. Окладистая бородка пробивалась сединой, возраст вплотную приблизился к экватору века или уполз за него. Годы еще не сказались на выправке и стати, но уже подтачивали тело, упивавшееся последними радостями молодости – по-прежнему легко взлететь в седло и почти невесомо соскользнуть, резко нагнуться или, словно что-то увидев, стремительно шагнуть к кому-то, что вызывало переполох и шараханье. Сейчас правитель застыл недвижимо, и прочие, кто не участвовал в происходящем напрямую, тоже превратились в каменные изваяния.

Конязь рта не раскрывал, его мнение и приказы огласил один из приспешников:

– Люди доброй воли, честные, свободные и равноправные! Свершилось злодейство. Не по праву отняты жизни и в нарушение устоев отобрана свобода. Нет сомнений, кто это сделал и по какой причине. Потому во имя справедливости да ниспошлет Святой Никола кару на головы убийц! Челн, добро и доспехи изымаются в казну и подлежат продаже. Злодеев – на кол. Приемышей отдать пострадавшему семейству. Таково слово конязя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.